

ЖИТИЕ СВ. ФИЛИППА НЕРИ, ОСНОВАТЕЛЯ КОНГРЕГАЦИИ ОРАТОРИАНЦЕВ

о. Джироламо Бернабеи

*Пер. с лат. Philippus Neri, fundator Congregationis Oratorii Romæ (S.), Vita a. Hiero.
Barnabeo ex MS. // AASS Maii T. VI, p. 524-649*

В переводе Константина Чарухина

ГЛАВА I. ДЕТСТВО СЯГОГО И ПОРА УЧЁБЫ, СОПРЯЖЁННОЙ С ПОДВИГАМИ БЛАГОЧЕСТИЯ, ДО 22-ГО ГОДА ЕГО ЖИЗНИ

[1] Филипп родился во Флоренции в 1515 году от Рождества Сына Девы, 22-го июля после полуночи, когда празднуется день памяти св. Марии Магдалины, когда Церковью Божией руководил Верховный Понтифик Лев X. Отцом святого был Франческо Нери, человек честнейший и в поступках своих безупречный, весьма почитавший всех иноков, особенно же – доминиканского семейства. В матери ему досталась Лукреция Сольди, чьи предки когда-то почитались во Флорентийской республике первейшими людьми. Франческо прижил с нею четверых детей: двоих женского пола – Катарину и Элизабетту, да стольких же мужского, а именно – Антонио, который вскоре преставился, и Филиппа, меньшего по рождению, но величайшего по добродетели, чье житие и святейшие нравы мы во славу и честь единого Бога собираемся описать.

[2] Итак, его незамедлительно крестили в храме св. Иоанна Крестителя (по обычаю этого города, где все пользуются одним священным источником) с торжественными церковными церемониями и назвали Филиппом в честь деда. По мере же его телесного и умственного развития явственно проявились его большие дарования и кротчайший нрав (ибо тише его никого было не найти), хотя все эти качества легко обнаружить в тех, кто призван служить спасению душ. Поэтому после начального образования в родительском доме он был отдан в учение некоему Клементе, довольно сведущему грамматике, и у него, насколько позволял его возраст, блистал умом и добродетелью, полюбившись всем и в таком совершенстве усвоив искусство красноречия, что легко превосходил даже самых одарённых из своих товарищей и вызывал у всех величайшее восхищение.

[3] Затем, помимо прочих уже тогда мерцавших в отроке признаков святости, являл он какое-то невероятное послушание и уважение к родителям, девственную скромность, человеколюбие ко всем и величайшее расположение к божественному. Ибо отца он чтит так ревностно и усердно, что всецело подчинялся и сообразовывался его воле, никогда не огорчая его даже по мелочам, разве что однажды, когда оттолкнул (легонько, впрочем) свою сестру Катарину, слишком несносно мешавшую ему молиться Богу и читать псалмы попеременно с другой своей сестрой Элизабеттой. В связи с этим отец укорил его (хотя на самом деле ребёнок не допустил ничего такого, за что стоило бы корить), а он так раскаивался в содеянном, что проливал реки слёз; впрочем (как говорит св. Григорий Великий) благомысленно признавать вину даже там, где её нет.

Материнским приказаниям Филипп был так послушен, что если бы она вдруг повелела ему не сходить с места, он, наверняка, никогда и на пядь бы не сдвинулся. По преставлению матери, когда место её заняла мачеха, Филипп оттого отнюдь не отступился от прежних правил, но, немедля перенесся на неё сыновнюю почтительность, к мачехе относился, точно к матери. Потому и она, побуждаемая столь необыкновенным послушанием, в восхищении перед несравненной чистотой его нрава полюбила его не как пасынка, но как сына, так что, когда через несколько лет он покидал Флоренцию, долго-долго плакала, а под конец жизни, хотя он был очень далеко, ей казалось, что видит его и слышит, а весьма часто и говорит с ним,

так как, по её заверениям, одно лишь воспоминание о нём (как сказал однажды свт. Афанасий об Антонии Великом) чрезвычайно её укрепляло и помогало ей.

[4] И почитал он не только родителей и родственников, и не только по какой-либо необходимости, но всех старших, кем бы они ни были, да от всего сердца; он был весел и покладист, и так миролюбив со всеми, что попросту не умел сердиться, и никогда не слышали, чтобы он говорил о ком-нибудь дурно. Поэтому, будучи каждому мил да угоден исключительной своей порядочностью и любезностью, получил он среди всех – как товарищей, так и людей посторонних – прозвание «добрый Филипп». Сверх того, сим необыкновенным добродушием он снискал расположение не только людей, но и самого Бога, чьею милостью был чудесным образом защищён и сохранён в целости.

Ему было от роду лет восемь – ну, не больше девяти, – когда во внутреннем дворе дома он увидел ослика и тут же по мальчишеской неосторожности на него взобрался. Когда же животное попятилось, то свалилось вместе с седоком по лестнице в подвал и малого недоставало, чтобы совсем раздавило ребёнка, ведь когда его обнаружили на полу под ослом, видно было только руку. Тут подбежала какая-то женщина из прислуги и, схватив мальчика за руку, тотчас вытащила его, когда ему уже грозила смерть. И хотя она думала, что он переломал все кости, не без крайнего удивления обнаружила, что он цел и невредим.

Размышляя о своём падении, Филипп впоследствии часто восходил помыслами к Богу и в память о Его благодеянии открыто и прилюдно рассказывал о том событии с неизменной благодарностью за божественную доброту.

[5] К этим духовным его дарованиям сизмальства присовокупилось благочестие; и хотя он не строил по ребяческому обыкновению дома алтарики, не украшал их и не занимался подобного рода забавами, но, уже с раннего возраста достигнув зрелой добродетели, усердно читал псалмы Давидовы и другие священные молитвы и, часто молясь в глубоком поклоне, возносил ум свой ко Господу. К тому же в нём была какая-то неиссякаемая жажда слушания слово Божие, и она, казалось, никогда не насыщалась. Он ничего о себе не объявлял во всеуслышание и не говорил, будто хочет пойти в священники или в иноки (как свойственно маленьким), прекрасно понимая, что сердце своё не подобает открывать всякому человеку, но едино лишь Богу. Уже с тех пор у мальчика вызывало крайнее отвращение самохвальство и тщеславие, которых он потом всю жизнь всеми силами избегал, как пагубнейших врагов.

Итак, невинный отрок преуспевал в возрасте и премудрости пред Богом и людьми (*ср. Лк. 2:52*), так что, чего ни бы просил у Господа, получал. Например, если он что-то терял, то тут же находил, прибегнув к молитве.

Рассмотрим здесь один из множества случаев. Когда однажды он возвращался домой, по какой-то неведомой случайности золотое ожерелье, которое ему довелось нести с собой, выскользнуло у него из рук и потерялось – он немедленно прибег по своему обыкновению к молитве и тотчас же отыскал потерю. Это же ему помогало и в других случаях подобного рода.

[6] В те дни Филипп хаживал чаще в церковь св. Марка, в которой обитают отцы-доминиканцы; там он и пожал первые плоды духа. Посему, когда впоследствии в Городе к нему приходил кто-либо из этого ордена (а приходили таковые весьма часто), он молвил: «Если зародилось во мне что-то доброе в детстве, то этим я целиком обязан отцам из св. Марка, и прежде всего о. Зиновию Медичи да о. Сервантию Мини». И чтобы подтвердить их святость, он обычно приводил в качестве примера один случай.

Между насельниками обители св. Марка было условлено, что, как только они встанут на утреню, им должно покаяться друг перед другом в своих грехах, ибо так, тщательно очистив совесть, они смогут возносить божественные хвалы просветленной душой. Поскольку же диавол не мог этого вынести, однажды ночью гораздо раньше, чем следовало, приняв облик и подделав голос Сервантия, постучал в келлию общежития и крикнул: «Эй ты, пора вставать!» Эти слова пробудили отца Зиновия ото сна, и, тотчас встав с постели, он пришёл в церковь, где уже расхаживал мнимый Сервантий. Увидев его, о. Зиновий стал перед ним на колени, собираясь, как обычно, приступить к таинству исповеди, «Сервантий» же сел и слушал покаяние коленопреклонённого отца, а на каждый грех, в котором кающийся себя обвинял, молвил лишь: «Это ничего, это ничего...» Когда же зашла речь о проступках потяжелее, пройдоха по-прежнему повторял: «Ничего». Тут Зиновия взяло подозрение и охватил страх, не подвергся ли он какому-нибудь дьявольскому обману, и, оградив себя знаменем Всесвятого креста, он молвил: «А не диавол ли ты, что говоришь мне такую чушь?!» При этих словах надменный и коварный враг внезапно исчез.

[7] Итак, они были для Филиппа первыми, так сказать, отцами в духе. Кроме того, он часто слушал Бальдолино, некоего инока из ордена Умилиатов, мужа благочестивейшего и превосходного проповедника слова Божия, и много рассказывал о нем, утверждая, что именно по его заступничеству и молитве когда-то выстояла Флоренция. Ибо когда Карл Бурбонский, главнокомандующий императорской армии, сея несчастье, пересекал Италию со своими войсками, приблизился он и к этому городу; и жители, объятые ужасом, сбежались со всех сторон к церкви, в которой тогда как раз проповедовал тот самый Бальдолино, и спросил он: «Что такого необычного происходит, отчего народ так внезапно и густо сбежался сюда?» Получив же ответ, что императорские воины подступили к укреплениям города и грозят разграбить его, он смолк и некоторое время молился. Затем, обратившись к народу, громким голосом воскликнул: «Да здравствует Христос!» Затем молвил: «Знайте, что по исключительной милости Божией вы в настоящее время избавлены от врагов ваших!», и в тот же миг город освободился от осады и страха. Вот что рассказывал Филипп о Бальдолино.

[8] Итак, обычаи и навыки столь благоговейных мужей пробудили в превосходном отроке на диво пламенную любовь к христианскому совершенству, а потому, как свойственно искренне любящим, он в пылу сердечном алкал перенести какие угодно страдания ради Христа.

И вот, когда ему было около шестнадцати лет, охватила его палящая горячка, но он так мужественно и терпеливо переносил тяготы болезни, что в томящемся теле душа его сияла от радости, а саму болезнь он скрывал, чтобы никто в доме и не

двинулся ради него. В конце концов невесть каким образом мечехина сестра проведала об этом и, несмотря на своё восхищение мужеством Филиппа, усердно занялась всем, что казалось необходимым для его лечения и здоровья, хотя он ввиду высочайшего своего терпения вообще ничего не просил. Не менее явственно показал он величие духа и мужество, когда в эти дни не только спокойным взором смотрел на то, что дом его (*т.е. тело. – прим. пер.*) почти целиком охвачен пламенем, но и относился к нему с полнейшим пренебрежением; поэтому многие, отнюдь не обосновательно, стали прочить ему великую и славную будущность.

При этом в нём было такое презрение к человеческим делам, что, когда однажды ему показали родословную, в которой были написаны имена его предков, он на неё и взгляда не бросил, а тут же разорвал на части, так как не заботило его ничего, кроме того, чтобы его имя было записано в книге жизни.

[9] Итак, когда было ему лет около восемнадцати и достиг он далеко не дюжинных познаний в гуманитарных науках, отец отправил его к дяде по имени Ромоло, человеку деловому и оборотистому, который переехал из Флоренции в Кампанию и в городе Сан-Джермано у подножия Монтекассино за много лет заработал торговлей огромные богатства. Замысел был, конечно, в том, чтобы дядя обучил его своему роду деятельности и сделал своим наследником, поскольку у Ромоло не было родни ближе Филиппа.

Итак, когда Филипп приехал, дядя сразу принял его со всем подобающим родственнику радушием, а вскоре после того, узнав его блистающий добродетелями нрав и любезнейшие манеры, назначил его и наследником своим. Однако Бог уготовил ему гораздо лучшее приобретение и наследство, поэтому дела обернулись вопреки дядиным ожиданиям. Ибо едва Филипп доехал до того городка, как почувствовал Божие призвание к более высокому состоянию, к стяжанию тех богатств, что никогда не истлеют (*ср. Мф. 6:19*). Но так как он понимал, что земные богатства и торговые прибыли станут немалой помехой для такого приобретения, он обратился в ином направлении, примеряя к себе апостольское речение: «Великое приобретение – быть благочестивым и довольным» (*1 Тим. 6:6*). Итак, устранившись от дел, он сидел уединённо и молчал (*ср. Плач. 3:28*), разве что с Богом общаясь в молитве иль в псалмопении.

(10) Невдалеке от города Сан-Джермано над портом Гаэта возвышается гора, прославленная среди всех местных жителей, ведь говорят, что это одна из тех гор, что когда-то в миг смерти Господа, расселись, как бы от горя (*ср. Мф. 27:51*). Этим местом владеют монахи из Монтекассино, которые построили там церковь Пресвятой Троицы. Сама гора разделена трещинами сверху донизу на три части, в срединной из которых на огромной скале стоит часовня с почитаемой иконой Христа, поэтому все проплывающие мимо корабли по обычаю салютуют из пушек, приветствуя её.

Так вот, Филипп часто удалялся из города в это место, чтобы сосредоточиться в душе на тайнах Страстей Господних. Благодаря сим упражнениям он с каждым днём всё сильнее и сильнее проникался любовью к Богу, пока не решился на то, к чему и раньше склонялся душою: отречься от помыслов о делах человеческих; покончить со

всеми заботами, чтобы свободнее служить Богу, всё почесть за сором, чтобы приобрести Христа (*ср. Флп. 3:8*).

Между тем дядя это почувствовал, а вскоре, как и следовало предполагать, стал пытаться всеми средствами отвлечь юношу от его решения. Снова и снова он уговаривал его подумать о семействе: ведь на него одного возлагаются все надежды; убеждал не пренебрегать наследством, уже назначенным для него; в конце концов, просил не принимать легкомысленного и необдуманного решения по вопросу такой важности, требующему весьма взвешенного совета; даже заклинал не поступать с ним так бесчеловечно, будто в нём нет и капли благодарности за оказанную любовь. На что Филипп, лишённый всех мирских расчётов, дал ответ, равно скромный и краткий, что его память о благодеяниях никогда померкнет, но в остальном он больше склонен следовать внутреннему расположению, чем совету.

[11] Он пожил у дяди два года и давно изнурился от его просьб и поправок, не давая, однако, себя ни сломить, ни умолить, и решился, наконец, осуществить намеченное путешествие. Поэтому он отправился в Рим, даже не предупредив отца. Ибо, хотя он никогда не отваживался ни на что, не посоветовавшись с ним, однако в этом вопросе, считал он, нельзя вообще никого слушать, а то вдруг плоть и кровь, «неприятели-домашние» (*ср. Мф. 10:36*), задержат его или как-нибудь воспрепятствуют. Ведь когда он уразумел, что зовёт его Бог, внимая совету зовущего, он отправился в путь, «без мешка, без сумы» (*ср. Лк 22:35*), чтобы, значит, не оказать неизреченному Его провидению маловерия. Едва он прибыл в Город, немедленно получил возможность свободно служить Богу – то, чего он так сильно желал. Ибо там его радушно принял Галеотто Качча, знатный флорентинец, который, едва лишь увидел лицо молодого человека и скромнейшие его манеры, сразу пожелал оставить при себе и назначил ему определенную долю зерна каждый год, что Филипп отдал пекарю, а от него ежедневно получал хлеб. Однако и сам не позволил одолеть себя доброте, но, чтобы полнее и обильнее воздать любовью сему сердечнейшему мужу, он добровольно взял на себя заботу о двух его детях и, обучая их грамоте, а также наставляя чистоте жизни и нравов, сделал из людей почти что ангелами.

[12] Помимо того, пребывая там (а это продлилось много лет), он вёл уединенную, до крайности суровую и почти отшельническую жизнь, почти полностью оторванный от общения с людьми; наложив на себя посты и бдения, он довольствовался просто хлебом. Отказывался от любых скоромных угощений, которые предлагали ему в доме, а когда испытывал жажду, утолял её водою, зачерпнутой из колодца. К хлебу он иногда прибавлял немножко трав или оливок и ел только раз в день, а часто держал пост по три дня. Поэтому уже в зрелых годах он при случае сказывал своим духовным чадам, что в былые времена, юношей, расходовал не более десяти джулио в месяц.

В том доме у него была каморка, но он обставил её столь убого, что в ней не было вообще ничего, кроме кровати и нескольких книг, а одежду – шерстяную и даже льняную – он развешивал на натянутой верёвке. Спал на полу, при этом подолгу ночами выстаивал на молитве, ибо постоянно чувствовал к ней охоту и тягу, так что духу его не требовались побуждения и призывы. Поскольку же не может укрыться

город, стоящий на верху горы (*Мф. 5:14*), то несмотря на его попытки (как мы говорили) отделился от общения с людьми, у него этого не получилось, ибо молва о его житии и добродетелях не только наполнила Город, но достигла даже Флоренции. Поэтому одна родственница, наслушавшись о его свершениях в Городе, молвила: «Вот уж не удивляюсь! Я-то знаю его ещё с детских лет, и уже в том возрасте легко было догадаться, как свято он будет жить и поступать. Так что, когда возвратишься в Рим, то и дело проси его от моего имени, чтобы молился за меня Богу!»

ГЛАВА II. ПОЛУЧИВ БЛИСТАТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ОБЛАСТИ ФИЛОСОФИИ И БОГОСЛОВИЯ, ОН ЦЕЛИКОМ ПРЕДАЁТСЯ УСОВЕРШЕНИЮ ДУХА И ДЕЛАМ МИЛОСЕРДИЯ

[13] Между тем прошло почти два года, когда он, дабы лучше прозреть «невидимое Божие» через понимание творений (*ср. Рим. 1:20*), решил своё поверхностное светское образование, полученное, как мы уже говорили, во Флоренции, подкрепить философским. В этом он до того преуспел, что Алессандро Буцио, самый замечательный философ того времени и его соученик, оставил свидетельство, согласно коему Филипп прослыл первейшим из всех схоластиков, что в ту пору славились в Городе. Наставниками его в этой дисциплине были Чезаре Джакомелли, возведённый впоследствии на епископскую кафедру за выдающиеся свои добродетели, и Альфонс Ферро – мужи учёнейшие, безусловно первенствовавшие тогда Римской гимназии.

После этого он приступил к священному богословию в лицее при августинской киновии и с Божией помощью достиг таких успехов в учёбе, что, хотя в дальнейшем по ходу жизни, отвлекаемый другими занятиями, он прекратил свои исследования, однако даже в старости так непринуждённо и с таким знанием дела рассуждал о Троице, об ангелах и о других столь же глубоких и тонких богословских предметах, будто недавно слышал или читал о них – и точно так же он остался силён в философских вопросах. Поэтому те, кто слышал, как он так тонко разбирает различные мнения учёных (особенно те, по которым в школах ежедневно устраиваются диспуты), до крайности изумлялись.

[14] Часто ещё святой муж, чтобы побудить своих чад к учёбе и словно бы приманить их к благочестивым размышлениям, спорил с ними, причём так серьезно и так остро, что, казалось, он никогда не отходил от литературных и научных интересов.

Кроме того, всякий раз, когда представлялась возможность, он подробно разбирал эти темы с учёнейшими богословами того времени, особенно с некоторыми членами Доминиканского ордена, и с теми, кто был связан с ним близкой дружбой. Ибо с посторонними он обычно вёл себя совсем иначе – даже скрывал от них свое знание так, что казался совершенно неграмотным; а когда говорил по душам, то нарочно использовал весьма короткие и отрывистые фразы, хотя вообще умел чудесно излагать свою мысль по любому вопросу и там, где дело требовало красноречия, превосходно мог её развить. Поэтому некий знатный архиерей, поговорив с ним довольно долго и, наконец, отойдя, сказал: «Право же, я доселе считал Филиппа человеком простым и невежественным, а тут вдруг обнаружил, что и в учёности он

не менее велик, чем в благочестии». То же случилось и с Александром Саули, членом конгрегации регулярных клириков св. Павла, епископом Павийским, прославленным как вежеством, так и святостью. Ибо когда он пришёл к Филиппу и во время беседы затронул некоторые спорные богословские вопросы, то услышал от него такие учёные и тонкие рассуждения на этот счёт, что изумился высочайшей учёности и одарённости этого человека, так как прежде считал его выдающимся в святости жизни, а не в литературе и науке.

[15] В итоге он досконально овладел всей совокупностью дисциплин, что пришлось как раз кстати. Ведь тогда храмах св. Иеронима братства Милосердия и св. Иоанна Крестителя Покровителя флорентинцев (о чём будет ещё сказано ниже) начали проходить лекции для простого народа, а поскольку число клириков там было мало, слово давали также мирянам, при условии, что они добродетельны и отличаются красноречием. Так вот, если кто-нибудь из них вдруг высказывался не слишком точно или вразумительно, Филипп тотчас восходил на кафедру и излагал всё так доступно и чётко, что казался во всём самым сведущим и искушенным. По этой причине многие небезосновательно полагали, что знание Филиппа было особым даром Божиим, ниспосланным свыше, а не приобретённым силами его собственного ума, ведь хоть науке он и уделял внимание, но в подвигах благочестия упражнялся день и ночь, как вскоре будет рассказано. В вопросах богословских он следовал учению и мнению св. Фомы, которого при этом глубоко почитал за святость жизни; по этой причине он почти всегда держал под рукой «Сумму теологии», и если какие-нибудь богословские тезисы иногда вызвали споры, он немедленно обращался к Ангельскому Доктору.

[16] Он был полностью погружён в изучение Священного писания и благодаря прилежному чтению и размышлению мог при нужде быстро ответить на любой вопрос к великому удивлению и наставлению слушателей. На этот счёт у нас есть надёжное свидетельство от Станислава Решки*, многоучёного поляка, который в послании к Фоме Галлетто, члену нашей конгрегации, описывая преуспевание Филиппа и его духовных чад в изучении Священных писаний, говорит помимо прочего: «Ну а мне-то чего болтать попусту в том доме, где меня может услышать Филипп, и Торизи, и Сильви (*Антониан, впоследствии кардинал. – прим. Бернабеи*), и Бароний, и Фома Боцци, и ты, и остальные рабы Божии. Что ты ещё хотел бы узнать, чему не могут научить они? Каждый в этом доме, где исследуют сокровенный смысл Священных писаний, – сокровище; и мне нечего больше сказать, что никто, совершенствуясь в этом, не постыдится».

Впрочем, в обсуждениях и диспутах, несмотря на всю его изрядную точность и тонкость, Филипп действовал ласково и мягко, стремясь завоевать любовь тех, с кем общался.

В молодости он также не был чужд поэзии: сочинил много песен, как на латыни, так и на итальянском языке. К этому у него было такое дарование, что при желании он мог слагать стихи экспромтом, хотя позднее, проникнувшись величайшей любовью к смирению, он перед уходом из этой жизни приказал сжечь всё написанное им.

* Станислав Решка (1544-1600) – аббат, декан Варшавы, затем апостольский протонотарий, дипломат, мемуарист, полемист, писавший в основном на латыни, дипломатический представитель Речи Посполитой в Папском государстве.

[17] Однако, уделяя время наукам, Филипп не пренебрегал обязанностями христианского милосердия, но помимо того, что каждый день посещал недужных в больницах, он часто, возвращаясь из школы, заходил в Ватикан или к Латеранской базилике и там, на папертях, пытался донести до убогих простолюдинов заповеди католического учения, а тех, кто оказывался более способен к духовной науке, даже наставить в добродетели и способах усовершенствования.

Мало того, он даже сочетал свою учёбу с молитвенным подвигом. Например, как мы недавно говорили, он занимался священным богословием у отцов-августинцев, а там в гимназии на стене висел образ Распятия; так вот, всякий раз, когда Филипп поднимал на него глаза, то не мог сдержать слёз и вздохов.

Итак, подобно тому, как прежде во флорентийском детстве его кликали Липпо (*или ещё Пиппо*. – прим. пер.) Добрый, так и впоследствии в Риме, уже во взрослые годы, стали прозывать Филиппом Добрым. Так, наряду со многими, его величал Чезаре Джакомелли, его учитель, о котором мы упоминали выше, и Антоний Альтовити, архиепископ Флорентийский.

[18] Итак, получив превосходное образование в земных науках, в философии, в богословии и научившись из апостольского предписания не рассуждать более, нежели подобает, но рассуждать умеренно (*Вульг. Рим. 12:3*), он решил оставить учёбу и посвятить всего себя познанию мудрости святых. Ибо рассудил быть... не знающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого (*Кор. 2:2*). Итак, он проводил в молитве как можно больше времени, понимая, что это прямая дорога и почти самый короткий путь к совершенству. Поэтому он продал все свои книги и раздал вырученные деньги нищим, а вскоре целиком предался размышлениям о божественном, что доставляло душе его величайшую утеху, ибо порой он проводил в них по сорок часов непрерывно.

Когда же он изливал молитвы к Богу, чувствовал такое воспламенение любви к Нему, что ему часто приходилось бросаться на землю, распускать одежду, обнажать грудь и другими подобными средствами пытаться умерить жар пылавшего сердца и привести в ясность сознание, которое едва не угасало, подавленное нахлынувшим со всех сторон пламенем.

Кроме того, он смирял своё тело и приучал его покорно служить [духу]: спал крайне мало, лежал на земле, почти каждый день жесточайше бил себя железными цепями. Христианскую нищету он возлюбил как спутницу и возлюбленнейшую сестру, отказался от всякого людского общения – короче говоря, сторонился всего, что могло принести отраду или облегчение удручённой плоти.

[19] Итак, посреди городского шума горожан и в величайшем скоплении людей он, словно отшельник, он пребывал в глубочайшем молчании, которое самым тщательным образом соблюдал до смерти, насколько ему позволял распорядок жизни. А почти каждую ночь (чтобы не попадаться людям на глаза) он в одиночку обходил Семь главных церквей Города, каковой путь составляет около 12 миль, а по

дороге заходил на кладбище Каликста (в народе оно называется «катакомбами» или «подземельями» св. Себастьяна), где из глубины взывал ко Господу (*ср. Пс. 129:1*), а дух его единился с Отцом Небесным в дивной некоей сладости. В дорогу он с собой брал лишь кусок хлеба, который носил в капюшоне плаща, да какую-нибудь благочестивую книжку, что, конечно, едва ли могло умерить его голод. Поэтому Франциск Кардоне из доминиканского ордена обычно ставил его в пример покаянного подвига своим послушникам, которых он возглавлял в Риме, и часто говорил: «Филипп Нери – муж дивной святости. А среди множества достоивных преданий, что сказывают о нём, гораздо замечательнее всего то, что он десять лет подряд обитал в подземельях святого Себастьяна». Но хотя (как мы говорили) он обитал в Городе у Галеотто Качча, всё же каждую ночь он навещал это место, и поэтому казалось, что он именно там устроился и разместился.

Если же вдруг оказывалось, что двери какой-либо из [семи паломнических] церквей закрыты, он предавался молитве и созерцанию прямо на паперти. По этой причине его часто заставляли в таких местах за чтением при луне; он постановил для себя так строго соблюдать заповедь нищеты, что у него не нашлось бы даже грошовой свечки, чтобы читать и освещать дорогу.

[20] Более того, именно там Господь, упреждая слугу Своего раба упоительной благодатью, питал его брашном небесных утешений и поил водами блаженства Своего; так что Филипп, не снося уже обилия неизреченной сладости, восклицал: «Довольно, Господи, довольно! Удержи, Господи, удержи, прошу, потоки благодати Твоей!» А промолвив сие, он падал ниц на землю и метался на ней, ибо тщедушное тельце его не выдерживало напора божественного блаженства. Поэтому совсем не покажется удивительным, что человек, пылавший огнём любви и исполненный богопознания, вновь и вновь внушал своим чадам: «С любящими Бога в сей временной жизни не может случиться ничего слишком тяжкого и неприятного» - и часто повторял: «Для слуг Божиих жизнь – терпение, а смерть – долгожданная цель».

Однако же, подобно тому, как Бог подвижника Своего, денно и ночью обходившего святые сии храмы, подкреплял в час усталости и голода небесным утешением, так, напротив, диавол досаждал ему многими бранями и нападениями, чтобы отвратить его от подвига.

[21] Шёл он однажды в Латеранскую церковь и пересекал Амфитеатр Веспасиана, лежавший у него на пути. Тут вдруг надо же – лукавый подбрасывает ему какие-то образы полунагих женщин и одновременно вливает в ум юноши призраки [блудных] деяний, опыта которых он не имел. Но он, распознав проделки злого духа, тотчас же прибег к обычному своему оружию – молитве – и в то же мгновение отбросил от себя многогнусные помыслы.

Однажды ночью он проходил, как обычно, молясь, по улице недалеко от церкви св. Себастьяна, где до сих пор сохранились остатки древнейших памятников (ныне это место называют Капо ди Бове, «Бычья голова»). И увидел он несущихся навстречу ему трёх всезлых духов: облик их и взор были ужасны. Тогда Филипп, прекрасно понимая, что бесы пытаются посмеяться над ним, возложил упование на божественную помощь и мужественно, не без презрения к ним продолжил свой путь. И призрак внезапно рассеялся у него на глазах.

Помимо того он выдержал ещё много борений, и даже более тяжких, с врагом рода человеческого, добросовестно проводя сию отшельническую жизнь и благоговейно свершая свои паломничества, но поскольку Бог укреплял силы воина Своего, сражался он успешно и одержал славную победу.

ГЛАВА III. О ЖАРЕ, ПЫЛАВШЕМ В ГРУДИ ЕГО, И О ТОМ, КАК СЕРДЦЕБИЕНИЕ ПРОЛОМИЛО ЕМУ РЁБРА. КАК ОН ПОМОГАЛ БЛИЖНИМ И НАВЕЩАЛ БОЛЯЩИХ.

[22] Итак, Филипп держался такого образа жизни и с каждым днём становился всё более расположен к приятию новых даров духовных, посему божественная Благодать дополнила множество их, и как бы в знамение сугубого освящения Дух Святой неисследимо проник в грудь его, а как это произошло, мы подробно расскажем.

Было ему уже двадцать девять лет. Как-то раз ближе к празднику Пятидесятницы Филипп горячо молился Святому Духу Господу, прося излить дары Свои по милости Своей и милосердию. (Вообще-то у Филиппа было обыкновение каждый день молить о благодати Святого Духа; и впоследствии, уже став священником и свершая жертвоприношение Мессы, он, как это позволялось церковным обрядом, почти всегда добавлял молитву, начинающуюся со слов «Бог, пред Коим всякое сердце открыто... Омой, оросив Святым Духом».) Внезапно он почувствовал такой жаркий огонь любви, что не в силах был устоять на ногах. Поэтому он тотчас же бросился наземь и, расстегнув одежду на груди, пытался охладить горящее сердце. Полежав же какое-то время, пока ярость пламени не поутихла, он поднялся, но тут, преисполнившись необыкновенной радости, он начал трястись всем телом своим, словно бы «сердце его и плоть» буквально «восторгались к Богу живому» (*ср. Пс. 83:3*). Потом, сунув руку за пазуху, он нащупал на груди выпуклость высотой с кулак, впрочем, это вздутие ни в то время, ни позднее не доставляло ему никакой боли.

[23] Причина же и происхождение этого выявились сразу же после его смерти, ибо когда по совету врачей вскрыли тело, то обнаружили, что в передней части грудной клетки, там, где находилось вздутие, два ребра, из числа верхних ложных (а именно четвертое и пятое) были полностью сломаны и разделены так, что части их изрядно отстояли друг от друга. Причём особенно странно то, что за все те пятьдесят лет, которые святой муж прожил [после этого перелома], они так не смогли срастись или соединиться.

Поэтому, из-за того что эти рёбра были так раздвинуты и выдавались вперёд, они образовывали снаружи вышеупомянутый выступ, а внутри давали больше места сердцу.

Сердцебиения начались внезапно, ведь в остальном (как мы говорили) Филипп обладал превосходным здоровьем, всегда был радостен и весел, далёк даже намёка на грусть и меланхолию, и длилось это пятьдесят непрерывных лет и случалось с ним при молитве, за служением мессы, при беседе о божественном, исполнении таинств церковных и в других подобных обстоятельствах. При этом же тело его так сильно тряслось, что казалось, сердце его вот-вот прямо-таки вырвется из груди. Оттого и стул, и постель, и сама комната, и всё, что было вокруг него, дрожали, как

от землетрясения. И однажды, когда он пылко молился в Базилике Князя Апостолов, видели, что массивная плита, на которую он опирался коленями, колышется и подпрыгивает, будто весу в ней всего ничего.

[24] Если же, как это часто случалось, он кого-нибудь из чад с нежнейшей отеческой любовью обнимал, человек тот чувствовал пылкое биение его сердца, подобное в первый миг удару в голову, и исполнялся дивной сладости духа. Не было недостатка и в тех, кто, прильнув к его груди, почерпывал столько благой силы, что сразу же ощущал освобождение от бесовских нападений. Одним из таких был Тиберий Риккарделли, каноник Ватиканской базилики, который по причине своей особой любви и из почтения к слуге Божию вызвался четыре года подряд быть у него в услужении. Так вот, он, помимо многих других своих публичных свидетельств о нём, говорит: «В то время, как я был слугой при блаженном отце, уязвляли меня порой раскаленные стрелы похоти, а когда я ему всё рассказал, он тотчас же мне: «Ну-ка, Тиберий, поди ко мне – обниму». И, сказав это, он нежно привлек меня к своей груди. И незамедлительно, прямо в тот самый миг я не только вышел победителем из той битвы, но и впоследствии не чувствовал никакого разжжения такого рода, ибо же вспыхнуло в мне такое рвение к совершенству, что я не желал ничего другого, кроме неустанной молитвы». О том же свидетельствовал Марцелл Вителлески (римский патриций, каноник базилики Санта-Мария-Маджоре, ученик Филиппа, нежно любимый им за исключительную чистоту нрава): при одном лишь приближении к груди слуги Божия он обычно ощущал величайшую радость, а всякая мука душевная и дьявольские искушения отлетали.

[25] Кроме того, от чрезвычайного сего сердечного пыла и жара не только его грудь согревалась, но крайне разгорячалось и всё его тело, так что уже будучи старцем, едва живым от бдений и поста, и даже незадолго до окончания жизни он и зимой вынужден был всеми силами искать прохлады. Поэтому приходилось глубоко ночью открывать окна и двери комнаты, в которой он почивал, и обмахивать его полотенцем или веером, и пользоваться другими подобными средствами, чтобы унять и умерить безмерный его жар. Иногда отцу даже требовалось прополоскать горло глоточком холодной воды, ибо оно у него слишком пересыхало от пламени, вырывавшегося из внутреннего очага. Кроме того, из-за этого он обычно даже в зимнюю пору распахивал одежду на груди, а когда порой ученики увещевали его застегнуться, чтобы не простыть от стужи, он говорил, что отнюдь не сможет, поскольку жжёт его неодолимый пыл.

Как-то раз в лютейшие морозы, когда всё, сверх обыкновения, было покрыто снегом, он шёл по Городу, а с ним – ученики его. И вот, заметив, что они страдают от холода, отец, прикрыв рот плащом, рассмеялся, а поскольку он, как всегда, шёл нараспашку, сказал шутливо и весело: «Не стыдно ли вам, сильным и крепким молодцам, мёрзнуть да зябнуть, когда старикам тепло?»

[26] Это, между прочим, служило причиной того, почему при всех попытках лечить его использовались, прежде всего, охлаждающие средства. От такого жара он действительно маялся разными телесными недугами, а поскольку врачи, не понимая их основной причины, применяли для их лечения подчас отнюдь не подходящие лекарства, Филипп в шутку говаривал: «Ох, вот бы им понять недуг

мой!» Ибо он не хотел раскрывать причину сего явления, которая, очевидно, была превозвышенной и сверхъестественной.

От этого часто случалось, что, одолеваемый оным пылом и жаром, он говорил приглушённо и прерывисто: «Я ранен любовью». А порою, причём нередко, не выдержав напора внутреннего пламени, он в изнеможении падал на кровать. Поэтому о нём по праву можно было сказать (и говорили) то, что некогда предрёк Соломон от лица Невесты в Песни Песней: «Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви» (*Песн. 2:5*).

Порою он и сам, охваченный сим пламенем, рассказывал, как монах-францисканец, изнемогавший от любви к Богу, в конце концов сгорел в огне любви и тихо скончался. Впрочем, дабы «сохранить тайну Цареву» (*ср. Тов. 12:7*), Филипп говорил, что [приступы жара] происходят с ним по причине телесной немощи, а [нараспашку он ходит] прежде всего потому, что с юности своей заимел такую привычку. Та же [скромность его] была причиной и того, что он носил полотняный платок слева за пазухой, стараясь спрятать и скрыть выпуклость.

[27] А что в этом представляется самым удивительным, так это то, что продолжительность этого сердцебиения была в его власти, ибо он сам совершенно ясно заявил кардиналу Федерико (*sic*) Борромео (к которому, точно к сыну-любимчику, испытывал особенно нежные чувства), что был волен успокоить это могучее трясение сердца, а когда впервые попробовал, ему удалось унять его одним лишь мысленным намерением. По этой причине Альфонсо Катанео, Доменико Сарачени и другие врачи, чрезвычайно опытные в своём искусстве, которые с величайшим вниманием лечили его, когда он болел, единодушно рассудили, что это сердцебиение было ни естественно, ни противоестественно, но сверхъестественно. Более того, Андреа Чизальпино, Антонио Порто, Ридольфо Сильвестри, Бернардино Кастеллани и Анджеоло Витторио да Баньяреа, славнейшие врачи того времени, даже выдали недвусмысленное письменное заключение по этому вопросу, в котором уверенно заявляют, что такое сердцебиение могло иметь только божественную причину. И именно поэтому сломались и раздвинулись два его верхних ребра: расширение грудной клетки позволяло ему переносить это частое сердцебиение без вреда и опасности, да и само сердце лучше остужалось благодаря более свободному кровотоку.

[28] По тем же, наверняка, причинам артериальная вена у него стала в два раза больше и гораздо жёстче, чем у других; сердце, как обнаружилось после смерти, также оказалось больше и жёстче обычного: очевидно, чтобы без вреда выдерживать нагрузку от жара и сердцебиения. Впрочем, оставим это; всё и так превосходно изложено (как мы только что сказали) в заключении знаменитейших врачей.

Итак, Филипп, прияв от Господа новый и замечательный дар, украсивший житие его, стал куда усерднее и ревностнее в подвиге. В ту пору однажды во время молитвы охватил его такой порыв любви и такая радость захлестнула его, что он, лишившись сил телесных, казалось, вот-вот испустит дух. Поэтому он как только мог умолял божественное милосердие, говоря сдавленным голосом: «Отступи от меня, Господи, отступи, ибо смертная немощь не в силах выдержать такое обилие радости (*ср. Лк.*

5:8). Я сейчас умру, Господи, если ты не поможешь мне!» (ср. 1 Мак. 3:53) Когда же молился он так и вопиял, внял всемилостивый Господь его покорной просьбе и с того дня умерил чрезмерный тот пыл. Поэтому, кстати, в последние годы своей жизни Филипп говорил, что когда-то в молодости чувствовал больше благоговения и воодушевления, чем теперь – под старость.

[29] Итак, когда Филипп принял силу от нисшедшего на него Духа (ср. Вульг. Деян. 1:8) и со всей ясностью понял, что призван Богом заботиться о спасении ближних, то, [подобно борцу], что, размявшись и собравшись с силами, выходит из тени на песок арены, постановил, оставив уединение, в котором, несмотря на жизнь посреди Города, провёл (как мы уже говорили) несколько лет, поделиться с ближними полученными от Бога благами. И вот он начал показываться на улицах и перекрёстках, в школах и мастерских, и в других многолюдных местах Города и там снискал себе расположение и благоволение многих своими превосходными качествами. Ибо помимо (упомянутого ранее) божественного вдохновения, ему был дан чудесный и могучий талант покорять сердца. Ибо обычно он поначалу, улучив подходящее время, вступал с людьми в дружеские отношения, затем привлекал их к себе непринужденностью своей и мягким нравом, а постигнув их заботы и желания, напоминал, наконец, каждому о посильном служении [Богу] и словами поистине боговдохновенными увещевал их к добродетели и благочестию.

[30] Такими почти что уловками и в то же время являя пример святейшего нрава он (как мы сказали) многих обратил ко Христу. Среди них был и Энрико Петра из Пьяченцы, который, оставив торговлю преходящими вещами, открыл для себя в Евангелии драгоценную жемчужину и, возведённый в священный сан, удостоился в итоге смерти, в которой отразилась проведённая в совершенной святости жизнь. Это был тот самый Энрико, который был первым из всех тех, кто, следуя постановлению святого Тридентского собора, начал как в Риме, так и в других местах обучать простой народ и детей христианскому катехизису, давно уже законченному, причём Филипп был ему в этом советником и помощником, отчего сие во всех отношениях похвальное начинание значительно распространилось.

К нему пристал и Тесео Распа, который, также отбросив человеческие заботы, прожил при Филипповом храме достойную похвалы жизнь, исполненную любви к ближнему.

Также Джованни Мандзоли, воодушевлённый задушевными беседами со святым и его увещеваниями, презрев великим и возвышенным духом тленные богатства, стяжал выгоды более надёжные и обильные.

Помимо них и другие по его внушению перешли от наёмнического служения миру сему под знамёна Христовы, но о них мы рассчитываем рассказать в более подходящем месте.

Однако это не смирило его жажды и устремления искать спасения ближних, так как Бог вложил ему в сердце помысел заводить дружбы и знакомства даже с порочнейшими людьми, многих из которых ему, благодаря своему удивительной рассудительности и смекалке, удавалось оттянуть от трапезы грешников и вернуть к чувству долга и здравому смыслу. Впрочем, публичных грешниц он, особенно в том возрасте, почти никогда не пытался отвратить от нечистоты.

[31] Из тех же, кого он в ту пору привёл к спасительному покаянию и в ком пробудил чувство долга, был некий известный в городе банкир, который, полностью отдавшись порочным удовольствиям и гнуснейшему корыстолюбию, после исповеди перед неким иезуитом получил от него в итоге обоснованный отказ в отпущении грехов. Глубоко огорчённый этим, он пришёл к Филиппу и, поведав о случившемся, просил и молил, чтобы изволил он испросить у Господа прощения злодеяний его. Святой же, всегда готовый оказать любую милость, прежде всего утешил падшего дружелюбнейшими словами и велел ему мужаться; затем, видя человека, с одной стороны побуждаемого разумом и самой истиной к покаянию, а с другой стороны, точно наручниками и кандалами, прикованного к пороку силою дурной привычки и испорченностью, молвил: «Что уж там! Душа у тебя добрая... Буду молить Бога о тебе, причём молить до тех пор, пока ты совсем не освободишься от этих сетей». Сказано это было не просто так, ибо с помощью Божией банкир вскоре выпутался из некоей пагубной связи и взялся за ум. А потому тот самый инок, который незадолго до того прогнал его за упрямое повторение множества грехов, услышав его кроткие просьбы и искреннее раскаяние в прежней жизни, благожелательно принял его и дал отпущение. В итоге банкир этот, полностью подчинившись руководству и воле Филиппа, так усердно занялся духовными упражнениями, что во всём являл пример добрых деяний.

[32] Тут нельзя обойти молчанием, что в ту пору несколько отпетых нечестивцев, одержимых в равной мере грехом и бесстыдством, пошли на все тяжкие, чтобы вовлечь святейшего мужа в нечестие. Но вышло совсем иначе, ибо, едва он распознал их тихие уловки, обратил к ним столь кроткую и воодушевлённую речь о красоте и величии добродетели да о гнусности пороков, что задумавшие вовлечь его в нечестие сами угодили в своего рода чудесную катастрофу, приведшую их к спасению.

Помимо того, ещё будучи мирянином, он многих, а вернее бесчисленное количество людей почти такими же приёмами не просто вернул к уму-разуму, но даже внушил им презрение к земным делам и стремление последовать спасительным советам Христовым (*о добровольной нищете и безбрачии. – прим. пер.*), а впоследствии они вступали в разные монашеские ордены. По этой причине св. Игнатий, основатель Общества Иисусова, который в то время славился в Городе своим святым житием, присвоил Филиппу прозвище «Колокол». Ибо, как колокол созывает людей в церковь, сам оставаясь при этом на башне, точно так же и Филипп привлекал других к иночеству, а сам не уходил из мира. А вышло так, разумеется, потому, что Бог приуготовил для нас нечто лучшее, дабы слуга Его примером благочестия своего и добронравия светил также и мирянам, и, создав некое новое или, скорее, восстановив древнее учреждение Церкви, с вящим рвением воспламенял сердца смертных ко всякому служению и добродетели. Поэтому-то, хотя его не раз звал к себе сам святой Игнатий, однако его так и не удалось убедить вступить в Общество.

[33] Причём по наблюдениям многих, у всех, кто не желал слушаться его спасительных советов и увещаний, в конце концов всё выходило плохо. Можно привести пару примеров из множества подобных случаев.

Некий философ был опутан узами греха, и однажды он не пожелал слушать святейшего мужа, резко обличающего его тяжкое преступление, но едва он от него отошёл, его тут же убили.

Не лучший конец постиг и другого человека, ибо, хотя Филипп долго его умолял, он так и не смог оставить своё нечестие, но через восемь дней после этих уговоров его схватили и осудили на казнь. Впрочем, по ходатайству влиятельных он получил затем высочайшее помилование и был отправлен на галеры.

[34] И хотя Филипп был весь поглощён мыслью о спасении душ, тем не менее, он со всяческим усердием и старанием помогал облегчать и телесные лишения нищих. Поэтому он как можно чаще навещал общественные больницы, заботливо ухаживал за лежащими там больными, увещевал их к покаянию и возрождал в них надежду на вечное спасение, перестилал им постели, смывал грязь, кормил, при умирающих находился день и ночь почти неотлучно и покидал их, только если только уже расставались с жизнью или шли на поправку.

Сим по-христиански смиренным и милосердным служением (не особо распространённым в те дни) он не только заслужил у людей глубочайшую благосклонность и восхищение, но и воспламенил сердца многих к подражанию, поэтому и духовенство, и миряне, и многие знатные мужи, побуждаемые святым соперничеством, стали часто ходить по различным приютам города и усердно служить там больным. Отсюда берёт начало широко известный Орден регулярных клириков – служителей больных, основателем которого признаётся Камилл де Леллис (*св., пам. 14 июля*), муж великого благочестия и ученик Филиппов; и так был сей орден Филиппу дорог, что однажды, горячо увещевая кого-то из членов мужественно продолжать своё начинание, он откровенно сказал, что видел, как ангелы подсказывали двум из них, что говорить, когда они утешали умирающих и молились за упокой их душ.

ГЛАВА IV. КАК ФИЛИПП ОСНОВАЛ ОБЩЕСТВО ПРЕСВЯТОЙ ТРОИЦЫ ПАЛОМНИКОВ И, ПРИНЯВ СВЯЩЕННЫЙ САН, ВСТУПИЛ В ОБЩИНУ ЦЕРКВИ СВ. ИЕРОНИМА

[35] Именно это желание и намерение помогать ближним подвигло Филиппа вместе с Персиано Розой, иереем редкого благочестия, которого он избрал судьёю своей совести (*т.е. духовником. – прим. пер.*), учредить Общество Пресвятой Троицы паломников и выздоравливающих в церкви св. Сальватора в Кампо, в год от Рождества Христова 1548-й, 16 августа, в каковой день справляется ежегодное торжество блаженного исповедника Роха.

Начало же сему было таково. Собрались в том месте вместе с Филиппом ещё около полутора десятков человек его последователей, любившие его от всего сердца, точно родителя своего, и уважавшие его весьма; и помимо частого участия в таинствах, усердных молитв и размышлений вели они там усладительные беседы о божественном и побуждали друг друга к христианской добродетели как словом, так и примером.

[36] В первые воскресенья каждого месяца, а помимо этого на Страстной, устраивали сорокачасовые молебствия, во время которых Филипп часто говорил народу проповеди, порой даже в каждый час, да притом с таким пылом духовным, что не только воспламенял сердца слушателей на дела благочестия, но и часто даже самым пропащим и заблудшим людям возвращал чувство долга и здравомыслие, ибо не могло быть ни у кого такого озверелого или окаменелого сердца, чтобы не размякло от его речей. Так однажды он с помощью Божией аж тридцать юношей обратил от нечистых и распутных удовольствий к святому страху Божию и чистой любви к добродетели.

Не раз случалось также, что некоторых это привлекало как диковинка – они поначалу в шутку присоединялись к толпе ради забавы и шалопайства, завидев проповедующего в церкви мирянина, что было весьма необычно в те времена, но вскоре, тронутые глубиной и искренностью сказанного, оставив шутки, уходили по окончании проповеди совсем не такими, как пришли. Вот почему многие из тех, кто приходил послушать его, свидетельствовали, что святость Филиппа и почти безмерную ревность о спасении душ легко можно было почувствовать просто в речи его.

Между тем во время молебствия он почти не выходил из церкви и, бодрствуя всю ночь напролёт, зазывал одних за другими своих сподвижников на молитву; по прошествии ж часа тотчас же брал колокольчик и звонил, говоря: «Что ж, братья, час прошёл, а вот время творить добро – нет!»

[37] Однако главным в распорядке и предприятиях сего Общества было оказание гостеприимства бедным паломникам, прибывающим в Город на богомолье. Сия похвальная работа была успешно проведена в год 1550-й, когда Верховный понтифик Юлий III, завершив необходимые приготовления, начал торжественное празднование Юбилея, незадолго до того объявленного Павлом III всем верным Христовым, которым предлагалось посетить четыре главные базилики Города. Сошлось великое множество паломников со всего мира, а поскольку для прибывающих бедняков не было выделено места, Филипп и его товарищи, движимые любовью к ближнему, поначалу сняли какой-то домишко, чтобы разместить их в человеческих условиях, и, всем существом своим выражая искреннюю радость, раздавали им всё необходимое для жизни; но затем, поскольку количество паломников увеличивалось с каждым днем, они приобрели дом попросторнее.

И там, по-прежнему во главе с Филиппом и под его руководством, члены Общества находились и днем, и ночью, готовые к любой деятельности. Одни занимались тем, что с благожелательным выражением лица приветливой речью зазывали прибывающих в приют; другие омывали им ноги тёплой водою; третьи обеспечивали их пищей, готовя дома или покупая на стороне; эти на стол накрывают, те посуду несут; эти кровати расстилают, а те полы подметают. В итоге каждый исполнял свои обязанности с такой бодростью и усердием, что со всей ясностью было видно: они служат не столько беднякам и паломникам, сколько Царю царей и Господу господствующих. При этом заботились не только о телах гостей

своих, но и о душах. Ибо многим простецам они внушили основные представления о заповедях и таинствах, всех же прочих воспламенили стремлением к христианской добродетели и совершенству.

[38] Молва об таковых свершениях разошлась в том году по Риму и миру, вызывая всеобщее изумление. В итоге многие, вдохновленные столь славным примером на служение ближнему, записались в это Общество, а вскоре затем приобрели для него ещё и другие дома, чтобы оказывать достойный приём бедным пилигримам.

А какова была добродетель и святость жизни тех, кто положил начало этому замечательному учреждению, легко понять из того, что один из них, наделенный божественным светом, предузнав день и час своей смерти, подошёл к сестре и молвил: «Напиши: я уйду из этой жизни в пятницу в такой-то час». И слова его оказались не праздны, ибо именно в предсказанный им час он упокоился с миром.

Помимо того, сам Филипп рассказывал, что даже повар в его странноприимном доме достиг такой опытности в духовных упражнениях и обрёл такую близость с Богом, что часто выходил глубокой ночью в какое-нибудь место, откуда были ясно видны звезды, и, устремив взор свой на небо, тотчас же восторгался чудной сладостью духа к созерцанию небесных тайн.

К тому же Филипп и другие его сподвижники, трудившиеся в этой школе христианского смирения и милосердия, каждый день видели, как люди, только что выздоровевшие от болезни и немедленно выписанные из больниц, будучи лишены подобающего питания и необходимых лекарств, снова заболевают, причём, как правило, тяжелее. Они сочли совершенно необходимым помочь им в такой беде, а поэтому помещения, приготовленные для размещения паломников, открыли и для этих несчастных выздоравливающих, чтобы там они могли окончательно окрепнуть и набраться сил.

[39] Между тем, по мере того, как день за днём Бог всё больше и больше давал рост (*ср. 1 Кор. 3:7. – пер. еп. Кассиана*) начатому делу, Общество перебралось из церкви св. Сальватора в Кампо в церковь св. Бенедикта, расположенную в том же квартале, где затем был возведён новый и превосходный храм Пресвятой Троицы. Насколько затем развилось это похвальное учреждение, совершенно ясно видно в последующие годы, когда при объявлении по всему христианскому миру торжественных юбилеев в Город стекалось огромное множество народа; особенно же в год 1600-й, когда было принято 260 тысяч паломников.

А потому в эту школу милосердия обычно захаживали не только отдельные знатные мужи и дамы, но даже князья и порфиноносцы усердно прислуживали там, да и сам Верховный понтифик довольно часто изволил являться, умывал ноги нищим, накрывал на стол и исполнял другие милосердные служения; причём сему достойному примеру апостольской доброты на нашей памяти подражали Верховные понтифики Урбан VIII, Иннокентий X, Климент IX и Климент X.

[40] Между тем, неизреченное Провидение, предназначившее Филиппа к трудам о спасении душ, вложило в сердце Персиано Розе, которого святой (как мы недавно говорили) избрал судьёй своей совести и истолкователем божественной воли, всячески уговаривать его, несмотря на все возражения, принять духовный сан, дабы,

получив большие полномочия, он и урожай пожинал обильнее. Филипп в ответ на предложение стать священником отказал Персиано по множеству причин: отнюдь, мол, он не подходит для таких обязанностей, где требуется почти ангельская добродетель и совершенная во всех отношениях мудрость, что крайне не соответствует тому низкому положению, в котором он решил служить Богу. Но о Персиано, хоть высоко ценил глубочайшую скромность Филиппа, никаких отговорок, всё же не принимал.

Итак, Филипп, будучи во всём чрезвычайно послушным и охотнее внимая суждениям других, чем своим собственным, подчинился воле и указанию духовника. Поэтому в году от Рождества Христова 1551-м в возрасте тридцати шести лет, приняв тонзуру, он был возведён через младшие чины к более высоким, а именно – в субдиаконы и диаконы. Всё это произошло в течение марта месяца, ибо ещё не вышли постановления продолжавшегося тогда Тридентского собора, согласно которым промежутки времени между принятием духовных чинов должны были в дальнейшем соблюдаться более строго. Младших чинов и сана субдиакона он был удостоен в церкви св. Фомы, в том квартале, который ныне называется Парионе; сан диакона принял в Константиновой Латеранской базилике с приходом Великой субботы; наконец, в высшую степень – иерейскую – его рукоположил Иоанн Лунелли, епископ Себасте, 23 мая того же года в упомянутой церкви св. Фомы.

[41] Удостоившись священного сана, он поселился в обители при церкви св. Иеронима, где в те дни обитали несколько священников, жизнь и нравы которых были отмечены замечательным благочестием: Бонсиньоре Каччагуэрра из Сиены, отличавшийся благочестием и ученостью; Персиано Роза, которого, как мы уже говорили, Филипп избрал себе духовником; Франческо Марсуппини из Ареццо, достохвальный душевной простотой и чистотой, который по смерти Персиано исполнял его обязанности по отношению к нашему святому; ещё один Франческо, прозванный Испанцем, не уступавший остальным в похвальном благочестии; ну и Пьетро Спадари, тоже аретинец, которому суждено было святой смертью своей подтвердить святость всей своей жизни – он был последним из всех тех насельников обители, кто уделял Филиппу таинства исповеди; ибо по кончине сих отцов Филипп на несколько лет вверил свою совесть Джамбаттисте Перузио, замечательно порядочному мужу из Общества Иисусова, позднее же, а именно после учреждения Конгрегации, пожелал, чтобы исповеди у него принимал Цезарь Бароний, и так было до последнего дня.

[42] Все они жили в одном доме как нельзя более дружно, не связанные друг с другом никакими уставами, а только узами братской любви. Никто не был главным, но (к чему призывает апостол) они были в братолюбии друг с другом как родные и каждый считал другого более достойным чести (*ср. Рим. 12:10. – пер. еп. Кассиана*), принимая во внимание лишь очерёдность приёма каждого из них в обитель.

К тому же в усердии они не ослабевали; духом пламенели; Господу служили (*ср. Рим. 12:11*); в нуждах святых принимая участие (*ср. Рим. 12:13*), почти небесную жизнь на земле. Совместной трапезы у них не было, но каждый питался отдельно. Во всём остальном они соревновались друг с другом, занимаясь не столько своими делами, а радея о Боге и ближних. Сие учреждение существует там же и доныне на великое благо для всего Города.

Итак, наш Филипп в том же году, когда был возведён в священный сан, получил послушание принимать исповеди, а поэтому с каждым днем прилагал всё больше усилий к заботе о ближних и спасению их.

[43] Поскольку же в те времена во многих охладела любовь (*ср. Мф. 24:12*) и даже лучшим казалось, что для полноценного исполнения долга благочестивого человека достаточно пару раз в год очистить свою совесть, Филипп, понимая, что отсюда исходит наибольшая угроза гибели душ, сосредоточил все усилия и усердие на том, чтобы возродить, как бы из изгнания, обычай частого обращения к таинствам исповеди и евхаристии, а также другие духовные упражнения. Поэтому под его руководством и при помощи сподвижников в Городе после долгого перерыва вновь стали часто исповедоваться и причащаться. А для того, чтобы поскорее перейти от слов к делу, Филипп, отложив все дела, целиком посвятил себя служению при святом таинстве исповеди. И вот, поскольку люди, желавшие очистить свою совесть, стекались к нему во множестве и плоды этого с каждым днём становились всё значительнее, он стал принимать исповеди не только днём, но и ночью. По этой причине, выслушивая исповеди большой череды людей в своей комнате чуть ли не до рассвета, он, для того, чтобы всякий проходящий мог свободно войти к нему, обычно клал ключ у самого порога комнаты.

[44] На рассвете же, как только открывались двери храма, он немедля спускался вниз, чтобы выслушивать [исповеди] стекавшихся [туда во множестве людей] и никогда не уходил [из исповедальни], кроме как для свершения мессы (которую служил нарочно ближе к полудню, чтобы другим было удобно) по другим серьёзным делам подобного рода, причём всякий раз сообщал, куда направляется. Если же вдруг не оказывалось кающихся, он обычно становился возле самого сиденья и либо читал там что-нибудь, либо творил святые молитвы, а иногда даже расхаживал прямо в притворе храма и, как бы другой Авраам, поджидал у входа «скинии» прохожих, которых радушно приглашал к себе и принимал. Итак, в какой бы час вы ни пришли к нему, вы находили его в полной готовности.

Наконец, он предавался сему служению с таким радостным сердцем, что невозможно было усомниться в его неоднократных утверждениях, будто труд исповедника его чудесным образом увеселяет. Ведь даже во время болезни (пока врачи недвусмысленно не запретили ему) он никогда не воздерживался от исполнения этого долга. К тому же, когда кто-нибудь из учеников корил его за чрезмерную строгость к самому себе, проявлявшуюся в том, что он отягчал себя сверх меры и сил, Филипп утверждал, что исповедь его отнюдь не отягощает, а, скорее, укрепляет и ободряет. И он постарался навсегда сохранить за собою эту обязанность в основном по той причине, что хотел поддерживать духовных чад в духовном бдении, дабы никто из них, возложив руку на плуг, не оглянулся назад (*ср. Лк. 9:62*) только потому, что при внезапном желании [исповедаться] не застал его на месте и в готовности.

[45] Итак, родив сими трудами многих чад для Христа (*ср. 1 Кор. 4:15*), он придумал несколько благочестивых занятий, благодаря которым они могли бы питаться духом и день ото дня всё более и более усовершенствоваться. Поскольку же он прекрасно понимал, что людям паче всего следует беречься беса полуденного, то велел им каждый день после обеда приходить к нему в комнату. Там он, опираясь на кровать

или сидя на ней, в кругу гостей своих предлагал тему – что-нибудь о пороках и добродетелях, или о деяниях святых, о чём каждый затем высказывал своё мнение, что часто перемежалось чтением каких-нибудь священных книг. Едва только слово переходило от гостей к Филиппу, он продолжал с таким пылом духа и с таким молитвенным порывом, что всё тело его сотрясалось, и не только сама кровать, на которую он опирался, но иногда даже комната дрожала. Кроме того нередко, когда дух его воспарял, плотская оболочка тоже заметно приподнималась над землёю. Хотя поначалу весьма мало людей посещало такие занятия, вскоре, однако, к Филиппу стали стекаться такие множества, что пришлось предусмотреть более просторное помещение – по этой причине он позаботился о том, чтобы присоединить к своей комнате смежные, в которых удобно принимать проходящих.

ГЛАВА V. ОТКАЗАВШИЕСЯ ОТ ЗАМЫСЛА ПОЕЗДКИ В ИНДИЮ, ФИЛИПП ПОСВЯЩАЕТ СЕБЯ ДЕЛУ ОБРАЩЕНИЯ ИУДЕЕВ И ЕРЕТИКОВ В ГОРОДЕ, В ЧЁМ ДОСТИГАЕТ УСПЕХОВ

[46] Тем временем слава о достижениях отцов Общества Иисусова в Индии день ото дня распространялась по всему миру, поэтому в начале послеобеденных занятий стали обычно зачитывать те записки о распространении католической веры, что почти ежегодно поступали из тех краёв. В конце концов сии чтения на диво воспламенили душу Филиппа желанием распространять христианскую веру. Итак, когда он увидел, что жатвы много, а делателей мало, то решил по примеру столь самоотверженных мужей тоже отправиться в отдалённые страны и пролить, если нужно, кровь во славу Божию и спасение душ. Такое же стремление овладело и нескольких его духовных чад, первым среди которых был Франческо Мария Таруджи из Монтепульчано, муж, выдающийся знатностью и благоразумием, и в не меньшей мере – набожностью и благочестием; а также Джованни Баттиста Модиио и Антонио Фуччи, славные врачи, опытные в лечении как тел, так и душ; и прочие мужи, отмеченные порядочностью нравов и весьма сведущие в свободных искусствах.

[47] Все они, числом около двадцати, с замечательным единомыслием и воодушевлением по совету Филиппа постановили под руководством его отплыть в Индию, чтобы полностью посвятить себя делу обращения неверных, усердно взыскуя мученического венца. С этой целью Филипп позаботился о посвящении нескольких из них в иереи и велел быть готовыми к отъезду – после того, разумеется, когда, получив разрешение и благословение от понтифика, он сам отправится в путь. При этом, будучи мужем высочайшего благоразумия, который никогда не принимал решений, иначе как предварительно всё обдумав, помолившись, выслушав советы и дав пройти времени, дабы познать, в чём именно состоит воля Божия, благая, угодная и совершенная (*ср. Рим. 12:2*); после многих ревностных молений, Филипп отправился к обитавшему в древней киновии св. Павла монаху-бenedиктинцу, весьма сведущему в человеческих и божественных премудростях, главой которых является наука святых (*Вульг. Прит. 9:10 «...а наука святых – благоразумие».*), и полностью посвятил его в свой замысел. Инок тот был во всём скромнен и благоразумен, а поэтому не посмел высказывать своего мнения по

столь сложному вопросу, но в чрезвычайно благожелательно уговорил Филиппа обратиться к куда лучшему советнику – цистерцианскому монаху Августину Геттини, который в то время руководил киновией свв. Викентия и Анастасии в Сан-Паоло-алле-Тре-Фонтане, и отзывы о нём были самые хвалебные.

[48] Он был известен святой жизнью и учёностью, причём родители ещё прежде зачатая посвятили его, подобно Самуилу, Богу, ибо среди прочих их праведных и достохвальных обыкновений было такое, что за два дня перед тем, как посвятить себя по святейшим брачным законам тем трудам, от коих рождаются дети, они, очистившись в таинстве исповеди и укрепившись Хлебом небесным, усердно молили Бога, если подарит им сына, то чтобы позволил ему служить Себе среди членов какого-нибудь монашеского ордена. И вот, поскольку оба они были праведны пред Богом, поступая по всем заповедям и уставам Господним беспорочно (Лк. 1:6), то достигли желаемого и каких просили детей, таких в итоге и получили. Однако среди них выделялся тот, о котором мы сейчас ведём речь, ибо он был даже пророческим духом одарен от Бога, а св. Иоанн Евангелист, которого он почитал с дивным рвением, наделил его многими и замечательными благословениями. Поэтому, будучи человеком бесхитростным и простым, он однажды откровенно сказал находившимся рядом монахам: «Мой святой Иоанн поведал мне, что я преставлюсь от сей жизни в день, когда Церковь почитает его ежегодным торжественным поминанием, однако даже не намекнул, в каком году это произойдет». Позднее, по прошествии долгого времени Иоанн явился ему в видении и сообщил, что преставление свершится на следующий праздник. Сказанное не преминуло сбыться, ибо в означенный день, отслужив по обыкновению литургию, он лёг в кровать и, приняв помазание святым елеем, блаженно почил.

[49] Итак, Филипп идёт к сему святейшему мужу, открывает ему своё сердце и просит у него совета. Тот благожелательно принимает гостя, выслушивает, но решение откладывает, дабы испросить воли Божией в усердных молитвах.

Не так уж много времени спустя, когда Филипп по уговору возвратился к Августину, тот откровенно поведал, что ему в видении явился св. Иоанн Евангелист и недвусмысленно заявил: «Индию Филиппу нужно искать только в Городе, ибо там Бог предназначил ему и его сыновьям трудиться во спасение душ».

Он прибавил, кроме того, что видел, как воды трех источников, прославленных мученической смертью апостола Павла (*в Сан-Паоло-алле-Тре-Фонтане. – прим. пер.*), внезапно обратились в кровь, что было прямым указанием от того же евангелиста на какое-то грядущее бедствие. Сим словам, будто их изрёк некий глас небесный, Филипп безоговорочно подчинился и, поскольку обширные поля индийские ему возделывать разрешено не было, решил, что следует с вящим усердием сосредоточиться на трудах в винограднике Города.

[50] Итак, он с каждым днём всё ревностнее распространял католическое вероучение, и, если он вдруг наткнулся на кого-нибудь из евреев, душа его приходила в сильное волнение, так что часто он не мог сдержать слёз и вздохов. Поэтому, если кто-нибудь предоставлял ему случай к их обращению, он не жалел усилий, чтобы приобрести их для Христа. Однажды он пошёл в Латеранскую базилику, а с ним пошёл Просперо Кривелли, миланский патриций, который взял с

собой некоего еврея. И вот, когда они добрались до этой церкви и, вступив внутрь, по христианскому обычаю преклонили колени перед алтарём, где хранились Св. Дары, он один стоял с покрытой головой и отворотив лицо. Когда Филипп увидит это, молвил: «Эй, мил человек, помолись Богу да скажи: Если Ты Христос, истинный Сын Божий, просвети мой разум, чтобы я стал христианином!» – «Нет, – ответил еврей, – я так не могу, ибо негоже мне сомневаться в моей вере». Тогда Филипп обратился к Кривелли и другим со словами: «Ну-ка, братья, пособите ему своими молитвами к Богу; ведь он наверняка станет христианином!» Предсказание это оказалось не напрасным, ибо через несколько дней по молитвам Филипповым, а также и благодаря увещаниям, еврей принял веру Христову и возродился святым крещением.

[51] В канун торжества Свв. апостолов Петра и Павла Марчелло Ферро, римский священник из числа первых учеников Филиппа, прогуливаясь перед вечерней прогуливался в портике Ватиканской базилики, увидел там двух молодых евреев, красивых лицом и нарядно одетых, и по внушению Божию дружелюбно подошёл к ним, радушно поприветствовал их и учтиво с ними заговорил. Затем, толкуя о том о сём, он как-то исподволь перешёл к обсуждению наиболее важных тайн нашей веры и бессмертной славы, которую стяжали сии первоверховные апостолы, не по какой иной, конечно, причине, что они уверовали во Христа. Поэтому было бы разумно ввериться заступничеству апостолов и твёрдо веровать, что они услышат молитвы своих единоплеменников, а по их предстательству Отец милосердия даст уразуметь народу Своему спасение (*ср. Лк. 1:77*). Примерно так говорил Марчелло. В итоге он стал их упрашивать пойти вместе с ним к некоему мужу величайшей святости и был так настойчив, что они согласились, но поскольку в то время им было недосуг куда идти, то заверили, что вернутся на следующий день.

Итак, в назначенный час и оговоренное место они приходят к Марчелло, и он идет с ними к Филиппу, который в это время гостил в обители Милосердия. Ну а Отец принял их со свойственной ему любовью и лаской, и такое глубокое впечатление произвёл на их души просто разговор с Филиппом, что затем в течение многих месяцев они захаживали к нему каждый день.

[52] Когда же они не появились у блаженного отца в течение несколько дней, он, вызвав Марчелло, велел тщательно навести справки о них. Он пошёл и, найдя с чьей-то помощью дом, где они проживали, спросил их мать, всё ли в порядке с её детьми? Она же горестно воскликнула, что один из крайне тяжело захворал горячкой и дизентерией, и что он вот-вот преставится. Тогда Марчелло горячо попросил позволения подойти к нему. Женщина согласилась и ввела его внутрь. А когда увидела, что лежавший в изнеможении сын при виде Марчелло внезапно приподнялся, стала упрашивать его дать ему глоточек питья; вдруг ему удастся подкормить его, а то от других он из-за страшной тошноты отказывается принимать пищу. Марчелло сделал это с величайшей охотой и, взяв чашку наваристого напитка, подал юноше и, склонившись над ухом его, сказал: «О. Филипп от всего сердца желает тебе здравствовать». Юноша проглотил питьё, чего прежде сделать не мог, и ободрился, услышав имя Филиппа. И Марчелло перед уходом шепнул ему ещё раз на ухо: «Помни, сын мой, что ты уже обещал Филиппу стать христианином!» – «Конечно, помню, – молвил юноша, – и обязательно сдержу слово, если жизнь

пребудет со мною (*Вульг. 4 Цар. 4:16*)». Обо всём этом Марчелло поведал Филиппу, а отец ему: «Не сомневайся, мы поможем ему молитвами к Богу». Не так уж много времени спустя больной поправился и вместе с братом явился к Филиппу, а затем оба при его посредстве присоединились ко Христу.

[53] Кроме того он привёл к христианской вере ещё одного представителя этого народа, наделённого значительным влиянием, дарованиями, а также учёностью, который затем был торжественно крещён в Ватиканской базилике. Но поскольку его отец упорствовал в иудейском заблуждении, хотя при этом не мог отказаться от общения с сыном, Григорий XIII, Верховный понтифик, неусыпно заботившийся и пекшийся о стаде Господнем, высказал Филиппу своё беспокойство тем, что сын, недавно обращённый в веру, так часто бывает с отцом-иудеем: как бы не нанесло это ущерба его благочестию. Ну а Филипп сказал, что позволяет ему это именно по причине уверенности, что благодаря кругу общения сына отец также придёт к христианской вере. Такой случай представился, когда его как-то раз привели к Филиппу, где он услышал, как святой рассуждает о тайнах христианской веры, и, вдохновленный его словами, подкрепляемыми проявлениями исключительной порядочности, стал христианином.

[54] Несколько лет спустя он сам позаботился о том, чтобы забрать из еврейского квартала четырёх своих юных племянников, осиротевших после смерти родителей, чтобы как-нибудь привести заблудших овец в загон Христов. Итак, однажды он завёл их к Филиппу, переселившемуся в храм Валичелльский (*«Новая церковь Санта-Мария-ин-Валичелла» – донныне главная церковь конгрегации ораторианцев, в которой хранятся мощи св. Филиппа. – прим. пер.*), и он любезно их принял, но о вопросах вероучительных не было сказано ни слова. Наконец, много дней спустя, когда они пришли к нему вечером, он призвал их смиренно помолиться Богу Авраама, Исаака и Иакова, дабы просветил Он их души к полному пониманию истины, и о том же намеревался просить Господа во всех своих молитвах, а на следующее утро – свершить с мыслью о том Жертву мессы и заставить Бога [явить Своё милосердие].

Тем временем дядя, самостоятельно и с помощью наших священников, которые принимали их дома с величайшей любовью, пытался отговорить их от отеческого неверия, но напрасно, поскольку, несмотря на всестороннюю осаду, они сопротивлялись с величайшим упорством. И вот на другой день, когда Филипп в отдельной часовне вершил священное действие, внезапно переменившись в настроении, они охотно приняли то лекарство, которое прежде отвергли, и без каких-либо возражений заявили, что станут христианами. Причём в этом решении они затем остались так тверды, что ни ласковые уговоры и мольбы матери, ни бурные угрозы родни не смогли их от него отвратить. Тогда-то Пьетро Консолино и кому-то ещё из наших вспомнилось, как они накануне вечером слышали от Филиппа, что назавтра он свершит за этих [братьев] божественную службу и заставит Бога [смилоствиться].

[55] Во время этих событий, пока все они получали у нас наставления в таинствах христианской веры и учили молитвы, одного из них поразила острая лихорадка и сильная головная боль, и на шестой день после того, как он слёг, казалось, что жизнь его висит на волоске, и потому отцы подумывали о его крещении. Под вечер того

самого дня подошёл к нему Филипп и, коснувшись рукой лба его и груди, молвил: «Пожалуйста, не умирай сейчас; ведь в еврейских кругах сразу разойдётся мнение, что это крайнее вероломство христиан стало причиной твоей смерти. Поэтому, пожалуйста, обязательно напомни мне завтра утром через кого-нибудь, чтобы я помолился за тебя Богу при литургии». Это слышал Пьетро Консолино и тотчас же [шепнул] больному: «Спокойно, сынок, теперь-то ты наверняка поправишься, ибо этот старец не раз совершал такие дивные дела!»

На следующую ночь болезнь не то, что не отступила, но даже, казалось, обострилась; поэтому, когда Джироламо Корделла, известный в те времена врач, во время визита увидел, что положение почти безнадежно, прямо сказал его дяде, что ему стоит навестить юношу как можно скорее, потому что жизнь его подошла к концу.

[56] Тем временем настал час, когда слуга Божий обычно служить мессу. Тут к больному подошёл Консолино и спросил, не хочет ли он, чтобы Филиппу припомнили о том, что он сам велел накануне вечером. И когда юноша подтвердил, что сие для него куда как желательно, Пьетро пошёл к блаженному отцу, который стоял уже препоясанный к священнодействию. Дивное дело! По завершении Таинства юноша встаёт с одра болезни и, вопреки любым предположениям, полностью выздоравливает!

И вот дядя, навещая его, обнаружил, что горячка полностью спала; а когда после обеда к юноше вновь зашёл врач и проверил пульс, то удостоверился, что он выздоровел, и в недоумении от столь неожиданного явления, воскликнул: «Раз у вас свои домашние врачи, то для чего зовёте со стороны?!» Чуть позднее, столкнувшись на улице с Джованни Баттистой Мартелли, земляком и другом своим, молвил: «Нынче со мною в Валличелльском храме случилось нечто великое и совершенно удивительное. Навещаю я больного, что был уже на краю могилы, и вдруг обнаруживаю, что горячку как рукой сняло, а он жив-здоров! Право, как тут усомниться, что эти отцы изволили подшутить надо мной и выдали здорового за больного!» Тут, однако, Мартелли заверил его, что болезнь наверняка ушла благодаря Филиппу. На что врач заметил: «Тогда сие следует отнести к разряду великих чудес, а Филиппу впору числиться среди первейших святых!»

[57] Затем ближе к ночи блаженный отец пришёл к юноше и, склонившись над его ухом, молвил: «Сынок, вообще-то ныне тебе пора было преставиться от сей жизни, но я не этого захотел, чтобы не дать твоей матери повода злословить, будто бы мы бы безжалостно лишили тебя жизни».

Два месяца спустя, в память святых Симона и Иуды, в Латеранской базилике он вместе с остальными братьями благочинно принял святое крещение от Верховного понтифика Климента VIII, что вызвало у всех огромную радость и ликование. Когда, омытые и освящённые, они затем пришли домой, Филипп принял их с совершенно счастливым видом и сказал отцам, что юноши вернулись совсем не такими, какими уходили, ибо они сияют некоей ангельской чистотою и красотой.

А едва они омылись в купели спасения, так, обеспокоившись спасением матери, стали всеми способами пытаться обратить её на стезю правой веры. Поэтому со множеством усилий им наконец удалось по разрешению начальств забрать её из еврейского квартала и поселить во дворце у Джулии Орсини Рангоны, женщины,

наделённой в равной мере благородством и благочестием. Когда же они сообщили об этом Филиппу и спросили у него, что он думает о возможности её обращения в будущем, он откровенно сказал, что в ближайшее время она от обычаев предков ни за что не отступится да и совсем незачем, ведь позднее она, став христианкой, принесёт куда более обильный плод.

И предсказание не оказалось праздным, ибо через пять лет и она сама, и другие её родственники и близкие, двадцать четыре человека, приняли христианскую веру, на что, конечно, не стоило бы надеяться, если бы она пришла ко Христу тогда, когда её детям больше всего хотелось.

[58] Сверх того многие еретики, имена которых мы воздержимся называть, благодаря отчасти его настоятельным убеждениям и увещаниям, отчасти – простоте его жизни и нрава, добровольно обращались в трибуналы священной Инквизиции и, втайне отрекшись от заблуждений, воссоединялись со Святой Римской Церковью в благодати и вере.

Один из них, по прозвищу Палеолого, был задержан за то, что распространял какие-то новые и пагубные учения и совершал иные гнусные преступления. Прежде чем поступить с ним по закону, многих приглашали на помощь и самым тщательным образом пытались разубедить его, но когда ни доводы, ни увещания, ни угрозы не помогли его спасению и он продолжал упорствовать в еретическом зловерии, его в конце концов осудили на смерть сожжением заживо. Его уже вели на казнь, когда о случившемся сообщили Филиппу. Он как раз сидел в церкви св. Иеронима, ожидая людей к исповеди. И вот, поскольку самой горячей его заботой было спасение ближних, он тотчас же вскочил со своей скамейки (ибо взволновалась вся внутренность его (*ср. 3 Цар. 3:26*), бросился к нему, отважно прорвался через толщу народа и цепочку стражников и, как Иосиф, пал на шею младшему брату своему (*Быт. 45:14*) и с душевной теплотой говорил к сердцу его (*ср. Ос. 2:14*).

[59] Они уже подходили к месту казни, когда святой отец с некоей божественной властью приказал палачам и остальным служивым людям остановиться и больше не трогаться с места. И те, отчасти под впечатлением весомости его приказа, отчасти из благоговения перед самой его личностью, тотчас же повиновались. Тогда тот несчастный (а он по милости Божией и благодаря усилиям Филиппа как раз одумался), взобрался на скамейку, которую по велению святого, принесли, судя по всему, из ближайшего кабака, и с плачем признав, что зря прежде упрямоствовал, добровольно и публично отрёкся от былых заблуждений к великой радости и изумлению всех сошедшихся огромнейшей толпой на это зрелище и с пристальным вниманием ожидавших исхода дела.

Затем благодаря заступничеству Филиппа его распоряжением городских властей вернули в тюрьму. Ну а сей вселюбезный отец, сверх тех средств, что ежедневно передавались ему на харчи по распоряжению священной Инквизиции, выхлопотал для него большую сумму денег у папы Григория XIII, и чтобы поддержать человека в его благом намерении, завёл обычай ежедневно захаживать к нему каждый день и толковать с ним о том о сём, прежде всего стараясь пробудить в нём сердечное сокрушение. К тому же, дабы окончательно покорить (*дословно «пропустить под*

ярмом» – древнеримский обычай унижения побеждённого войска. – прим. пер.) ту надменную и дерзкую спесь, что свойственна еретикам, он передал ему жития блаженных Иоанна Коломбини и Якопоне да Тоди. Ибо сказывал, что, хотя для обращения таких душ ко Христу требуется вооружиться остроумием и учёностью, тем не менее подвижничество святых и их благонравие назидают куда больше, чем литературные или научные труды.

[60] В итоге терпение и кротость Филиппа так смягчили Палеолого, что он выразил горькое сожаление о чересчур запоздалом знакомстве с человеком столь великой доброты и святости. Однако по человеческому непостоянству он недолго оставался в таком настроении. Ибо вскоре после этого он начал колебаться в вере и вернулся к своим безумным измышлениям. Филипп и сам предчувствовал это, что не раз открыто выказывал своим ученикам, говоря, что такого рода обращение с самого начала не вполне его удовлетворяло. И всё же отец не мог отступить от отступника своей веры и спасения, но непрестанной помощью молитвами и усерднейшею заботой, молитвами и неизреченными воздыханиями воззвал его от сего бешенства и безумия вновь к здравомыслию и чувству долга. Тем не менее через два года, как повторно впавший в ересь, Палеолого был обезглавлен. В последний путь его по велению Филиппа с великой надеждой на вечное спасение провожали Цезарь Бароний и Джованни Франческо Бордони.

ГЛАВА VI. КАК ДЛЯ ЗАЩИТЫ КАТОЛИЧЕСКОЙ ВЕРЫ ОН ПОРУЧИЛ ЦЕЗАРЮ БАРОНИЮ НАПИСАТЬ ЦЕРКОВНУЮ ИСТОРИЮ

[61] Однако же не мог он ограничить столь пылкое рвение к распространению католического вероучения одним лишь Городом, но распространял его повсюду и на другие земли, даже самые отдаленные. Ибо когда слуга Божий увидел, что новые язвы ереси с каждым днем все шире расползаются по северным странам и заражают злом крупнейшие города, он думал, что грядущую болезнь надо встречать во всеоружии. Поскольку же он не мог заняться этим лично, то нашёл, не иначе как по божественному вдохновению, средство, с помощью которого можно было бы предотвратить уничтожение и гибель христианской цивилизации (*reipublicae*) даже на расстоянии. Поэтому уже после основания Оратория (о котором мы поговорим отдельно), где проводились ежедневные беседы с народом о божественных предметах, он постановил, что кто-нибудь из тех, кто навывк вести речи, должен воспроизвести церковную историю с самого начала и, соблюдая временной порядок, проследовать до конца, с тем чтобы дать подлинное представление о почтенной древности христианской веры, об установлении церковных истин святыми Отцами и деяниями Соборов, о чёткой последовательности событий и непрерывной преемственности Римских понтификов на Апостольском престоле. Ибо он надеялся, что преимущественно этим средством будут легко разоблачены вздорные и фантастические вымыслы магдебургских выдумщиков, которые недавно, перевернув всё вверх тормашками, попытались с совершенно нечестивой дерзостью покрыть тьмой католическую истину.

[62] То был Цезарь Бароний, славнейший среди нас муж, чья жизнь и деяния описаны в другом месте (Hieronymus Barnabeus (1651). Vita Caesaris Baronii...). Итак, Филипп убедил его просмотреть древних церковных писателей и пересказать в Оратории, начиная от пришествия Спасителя и до наших времен, как и от кого родилась и воспитывалась Церковь Христова, как она возростала в гонениях, увенчивалась мученичествами, и как затем сблизилась с христианскими правителями, после чего власть и богатство её увеличились, а добродетели стали постепенно уменьшаться. Потрясённый неожиданным предложением, Цезарь оправдывал перед Филиппом свой отказ и тем, что по его оценке силы его были для такого труда недостаточны, и тем, что он имел обыкновение говорить с народом о последних вещах в человеческом существовании (*т.е. смерти, суде, рае и аде. – прим. пер.*) и сосредотачиваться почти целиком на этом предмете, поскольку считал, что это самое подходящее средство для пробуждения душ и воспламенения их к благочестию. Филипп, однако, не принял этих оправданий, но с каждым днем все больше и больше настаивал на том, чтобы он как можно скорее принялся за работу. Наконец, видя, что этот человек отклоняет такого рода советы и под любыми предложениями тянет время, попросту приказал ему, отложив всё остальное, взяться за дело и целиком посвятить себя тщательному изучению, изложению и, наконец, даже написанию церковной истории.

[63] Эти слова устрашили Цезаря, и под давлением страшных сомнений он прямо-таки оцепенел, ибо с одной стороны его понуждало предписание отца, а с другой – объем работы представлялся неодолимым; непонятно было, с какой стороны за него взяться. Итак, он всё ссылался на своё скудоумие и несообразительность, оправдывался постоянной занятостью, утверждал, что не будет недостатка в тех, кто напишет «Историю Церкви» историю лучше, ведь даже Онофрио Панвино, ученейший человек того времени, уже взялся за написание такой книги; поэтому не нужно, мол, на человека неграмотного и совершенно несведущего возлагать обременительную обязанность говорить и писать о чересчур серьезных вещах. Он говорил и говорил, упрашивал, молил, но напрасно, ведь Филипп уже спросил о том Божество и получил благоприятный ответ. Предвидя далёкое будущее, он молвил: «Твоё дело – слушаться повелений, а прочее оставь. Тебе кажется этот труд сложным и трудным? Уповай на Бога, и Он совершит (*ср. Пс. 36:5*)». Тут-то Цезарь почувствовал себя в совершенно безвыходном положении. Ведь как бы он посмел не послушаться Филиппа, когда он уже не увещевает, а явно повелевает? Но опять же, где ему набраться сил и мочи, чтобы взвалить на себя бремя и взяться за труд, совершенно для него неподъёмный?

[64] И вот, пока объятый сими тревогами он то колебался, то медлил, явился ему всемилостивейший Господь и светом благодати Своей рассеял всякую тьму. Однажды ночью он увидел во сне, что к нему пришёл Онофрио Панвино, который в те дни (о чём мы только что сказали) писал «Историю Церкви», и Цезарь принялся упрашивать его да умолять довести до конца начатое дело, но тот отказывался и вообще не желал слушать речей его. Истомясь собеседника напрасными просьбами и доводами, он вдруг услышал голос: «Успокойся, Бароний; тебе надлежит писать «Церковные анналы», а не Панвино!» Цезарь был так уверен, что то был голос Филиппа, что пошёл к нему на рассвете и всё рассказал, однако тот, ускользнув, как

обычно, с удивительной ловкостью от прямого ответа, молвил: «Да ну тебя с эдакими снами!»

Окончательно убеждённый этим, Цезарь взялся за дело и, возложив все надежды едино на Бога, обратил всё своё внимание и силы на изучение церковной истории. Именно эту историю Цезарь затем начал излагать в Оратории, и, повторив семь раз в течение тридцати лет, он по приказу Филиппа начал, наконец, записывать её; и так удалось: он изложил события каждого года и описал исторических деятелей, что известность и слава сей книги наполнили весь христианский мир. Ну а то, что работу такого колоссального объёма получилось проделать не столько трудом и прилежанием Барония, сколько благодаря молитвам Филиппа и помощи Божией, сам Бароний, возведённый в кардинальское достоинство по преставлении святого, сразу же засвидетельствовал в замечательной памятной записи, которую пожелал предослать восьмому тому своих анналов и прикрепить на гробнице блаженного отца на вечную память потомкам. Мы тоже решили вставить этот текст в настоящую главу, потому что он наиболее ясно излагает суть дела, и содержит ярчайшую похвалу Филиппу.

[65] Благодарственное слово блаженному отцу Филиппу Нери, основателю Конгрегации Оратория за «Церковные Анналы» от Цезаря Барония, Святой Римской Церкви кардинала-священника с титулом настоятеля церкви свв. мчч. Нерее и Ахилла, и библиотекаря Святого Апостольского Престола.

Доселе мне едва хоть самую малость удавалось упомянуть о событиях, связанных с замыслом и последующим постепенным написанием «Церковных анналов»: казалось, будто мы это, скорее, окутываем мраком, чем объясняем. Так вышло потому, что был ещё среди живых человек, о ком нельзя было не упомянуть при этом, а он не просто презирал похвалы, но был их злейшим врагом. Ныне же, когда он призван к вышним, я, ничем не стесняемый, могу в полный голос поведать о полученных от него благодеяниях.

Ибо приятно поведать о старших, от которых, словно бы из преизобильного источника, проливались на нас щедрым потоком неисчислимы блага. Но полезно и само напоминание об отцах наших, святых мужах, увещающее нас не отступать от примера их добродетелей, согласно оному божественному речению: «Взгляните на скалу, из которой вы иссечены, и в глубину рва, из которого вы извлечены. Посмотрите на Авраама, отца вашего, и на Сарру, родившую вас» (Ис. 51:1-2).

[66] Впрочем не только приятно и полезно, но столь же и необходимо вспоминать тех, от кого мы получили величайшие блага, чтобы умолчание или забвение не навлекло на нас постыжающего упрека в неблагодарности. Ведь Божественные писания нам постоянно напоминают, что и вообще любые успехи и удачи, выпавшие на долю детям, должно относить на счёт родителей, и, в частности, те, кои принесло Иосифу благословение, данное великим патриархом Иаковом, в котором, между прочим, звучат сии пророческие слова: «Но твёрд остался лук его, и крепки мышцы рук его, от рук мощного Бога Иаковлева. Оттуда Пастырь и твердыня Израилева» (Быт. 49:24).

Итак, раз все успехи Иосифа подобает приписать могучей руке Иакова, который не просто отсутствовал, находясь от него дальше некуда, но уже и оплакал его, как

мертвого, и отгоревал по нему, как по убитому; что же нам тогда сказать о таком отце, который при всём присутствуя и во всём помогая, прежде всего многократно оплодотворял нас духом апостольским и от самой юности уздами того же духа сдерживал и отвращал от скользких тропинок юности, ведущих ко злу; и приучил повиновению божественным законам неукрощённого ослёнка, на которого даже Христа уговорил воссесть?

[67] А поскольку мы во всех отношениях до чрезвычайности обязаны ему за помощь в том, что относится к «Анналам», рукопись которых мы держим в руках, да будет на вечную память ему, вдохновителю всех наших трудов, бессмертная и несмолкающая благодарность. Ибо же справедливо и в духе смиренного и скромного к себе отношения будет открыто признать, кто был причиной успеха, но несправедливо и нагло было бы приписывать его только своим собственным силам. Ведь тот, кто взял на себя больше, чем подобало, и сказал: «Силою руки моей и моею мудростью я сделал это» (*Ис. 10:13*), получил суровый ответ от Бога-мстителя: «Величается ли секира пред тем, кто рубит ею? Пила гордится ли пред тем, кто двигает ее?» (*Ис. 10:15*). А вскоре к угрозе присоединилась кара, которую испытал и оный несчастный, ибо за названную провинность свою он был низвергнут с царского престола и скитался среди зверей (*ср. Дан. 4:30*).

[68] Поэтому мы откровенно возвещаем об отце нашем Филиппе то самое, что объявила всем смертным вечная Премудрость Христос, Искупитель наш, сказав: «Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела» (*Ин. 14:10*). Мы [говорим это] не для того, чтобы похвалиться человеком (*ср. 2 Кор. 12:5*), а не Богом (*ср. 1 Кор. 1:31*), но дабы указать на соработника Божия, через кого Бог уделил нам столь великое множество благ, выразив тем самым благодарность как Богу, так и людям. Ибо именно Филипп по некоему внушению Духа Божия приказал сделать это, подобно Моисею, который, увидев на горе образ скинии, поручил соорудить её художнику (*ср. Исх. 25:9, 36:2*). Ибо лишь по велениям сего отца нашего, часто повторявшего их, мы приступили к этому делу, причём неохотно и с сопротивлением, не доверяя собственным силам – однако всё же взяли, повиновавшись как бы божественному приказанию, ведь он так рьяно побуждал нас к работе, что даже когда мы, пугаясь чрезмерных трудностей, готовы были отказаться от сего предприятия, он пришпоривал нас весьма чувствительными упрёками.

[69] Ибо же когда ты (да, к тебе, отче, я обращаю речь мою) узрел сердцем своим, напоённым Божиим светом и исполненным (да позволено будет так сказать) духа пророческого, что на несчастье ущерб Церкви из врат адовых вышли легионы сатанинские, то, пылая ревностью о Церкви страждущей, восстал против них, дабы повести сражения Господни за дом Израилев (*ср. Иез. 13:5*). Ты не подумал, что на брань с ними можно выставить большее или хотя бы равное число воинов, но прекрасно зная, что Бог избирал немоцное мира, чтобы посрамить сильное (*1 Кор. 1:27*), ты выбрал отрока своего, из братьев меньшего и глупейшего, дабы бросить одного, да ещё безоружного, против стольких вооруженных врагов. А делая вид, что собираешься поручить ему нечто иное, ты не выпустил его на широкое поле битвы, а оградил ему как бы гимнастический зал для упражнений, а именно священный Ораторий св. Иеронима, где среди ежедневных бесед о божественных предметах, где в качестве вклада потребовал от нас рассказывать об истории Церкви. И начав

единожды эти чтения по твоему повелению, я благополучно продолжал их на протяжении тридцати лет, и в итоге весь этот устный курс истории был повторён в Оратории семь раз.

[70] Итак, ты словно бы стоял надо мною, понуждая к труду своим присутствием; подгонял своими словами, неизменно суровый (прости за такое сравнение) сборщик каждодневной подати – до того, что готов был счесть меня достойным кары преступником, попытайся я иной раз повести речь о чём-нибудь ином, ибо ты не позволил бы мне ни на йоту отклониться от сего начинания. Впрочем, признаюсь, я частенько усматривал в этом что-то человеческое (ещё не понимая тогда, что ты это дело обсудил втайне с Богом) и, щадя свои силы, сетовал, что ты меня чуть ли не тиранишь, ведь ты не то что не приставил ко мне никого из братьев, кто совместно со мною мог бы тянуть эту лямку, но только умножал тяготы и, не давая соломы (*ср. Исх. 5:7*), требовал всё новых и новых книг.

Итак, поскольку ты возлагал на меня ещё и другие обязательные дела, такие, как попечение о душах, возглашение народу слова Божия с кафедры, управление хозяйством, помимо многих других хлопот, вторжения которых [в мою работу над «Анналами»] с каждым днем становились всё мучительнее своей внезапностью и неуместностью, то дошло до того, что стало казаться, будто ты, поступая так и другим позволяя, тщательно пытаешься скрыть, чего больше всего на самом деле хочешь.

[71] Похоже, в этом ты подражал Илии, который, сойдясь со жрецами Вааловыми, предлагал им призвать огонь с небес, дабы воспламенил он и спалил возложенную жертву, а сам всё сделал для того, чтобы у него самого так не получилось: велел трижды облить свою жертву четырьмя вёдрами воды – чтобы яснее проявилось вышнее могущество Божие (*ср. 3 Цар. 18:20-37*).

А с другой стороны, ты сам же охотно оказывал мне в том же помощь, поддерживая всемогущей рукою молитвы, и в этом ты, видимо, последовал за Елисеем, который, возложив руку свою на руку царя, когда он пускал стрелу, соделал его истребителем всей Сирии (*ср. 4 Цар. 13:16-17*). Действуя со мною таким же символическим образом, ты свою многомогущую руку соединил с моею бессильной и обратил притуплённое перо в стрелу спасения Господня, направленную против ассирийского полчища. И сию прекрасную истину о тебе мне радостно возвестить во всеуслышание.

[72] Итак, ты сражался, но чужой, по своему обыкновению, рукой, ибо хоть и присуще было тебе творить дела дивные, никогда, однако, ты не пытался вызывать удивление, ибо ничего не старался ты предотвратить так усердно, как восхищённых разговоров о себе, ради чего окутывал мудрость свою покровом глупости в согласии с оным общеизвестным и прославленным парадоксом апостольским, глубоко укоренившимся в сердце твоём: «Кто хочет быть мудрым, будь безумным» (*ср. 1 Кор. 3:18*).

Именно же поэтому, дабы избежать любых оков сего льстивого мира, ты по примеру Давидову, изменившему на время лицо своё (*ср. 1 Цар. 21:13*), скрывал великие дары Духа, внешне обнаруживая человеческую слабость; и узнал ты, как, согласно

апостола «быть и в обилии и в недостатке» (*Флп. 4:12*), дабы вместе с ним по праву сказать: «Если мы вышли из себя, то для Бога; если мыслим здраво, то для вас» (*2 Кор. 5:13. – пер. еп. Кассиана*); а по примеру тезоименитого тебе Филиппа Диакона ты, как время велело, то был с людьми, радея об их спасении, то подставлял паруса могучим порывам Духа (*ср. Деян. 8:4-13, 26-39*).

[73] Но ту славу, которую ты при жизни своей в великом множестве внёс в сокровищницу Христову, Он после твоего преселения из сей жизни воздал тебе с многократным прибитком, ибо когда разбился скудельный сосудец, явился сокрытый внутри светоч, просияв своим блеском; и укрытый под спудом светильник, горя и светя, был поставлен на высоком светильнике вечности и, став заметным, проблистал лучезарными чудесами. Ибо тогда обнаружились и дивные знамения, что ты творил при жизни, но утаивал; и явными стали множества иных чудес, сотворённых тобою недавно. Твоя пока ещё скромная, временная гробница сверкает от обетных табличек и обставлена изваяниями из драгоценных металлов, знаменующими чудеса твои, коими она пышнее драгоценных мраморных саркофагов, египетских пирамид и обелисков, да притом день ото дня всё богаче украшается благодаря тем, кто, принимая от тебя новые благодеяния, приносит новые изваяния.

Да будет и мне дано место (обращаюсь к вам, братья, увившие его надгробие священным и прекрасным венцом), чтобы я мог прикрепить к сей гробнице моё благодарственное слово, хоть и далеко не сообразное полученным благодеяниям; пускай висит оно там, а вместе с тем проносится по всему свету – всюду, куда его занесут «Анналы». Пусть это будет подвижным и говорящим столпом резным, звучными знаками провозглашающим, что он был первым создателем и зодчим «Анналов»; так что, если смертные получают какую-либо пользу от них, пускай всю свою благодарность обратят прежде всего к нему. Пусть станет, повторю, сие признание моё наподобие неизгладимой, возложенной на гробницу ту, эпитафии; ибо я и сам желал бы остаться при ней живой табличкою, которая доносила бы цельный образ Филипповой святости, выписанный кистью молитв его.

[74] Приди же, отче (снова обращаюсь к тебе, как если бы ты присутствовал тут, ведь ты зришь Того, Кто присутствует всюду), приди, говорю, и посодействуй делу своему, да будет тебе приписана во всём победа (как Иоав писал Давиду (*ср. 2 Цар. 12:26-28*)); приди и доверши окончательно битву; призови молитвами своими небесное воинство свыше, дабы полностью, наконец, одолев врагов наших, смогли воспеть мы победную песнь Деборы: «С неба велась битва против них; звёзды, в строю своём пребывая, сражались с Сисарою» (*ср. Вульг. Суд. 5:20*).

Меня же, сына твоего, которого, живя на земле, ты хранил под усердной защитою, оберегал неусыпно, терпеливо вскармливал, ныне, живя в небесах, ещё крепче блюди под заступничеством своим; да прибудет мне больше сил от любви твоей, достигшей ныне вершины и полного совершенства.

Свт. Григорий Богослов утверждал, что свт. Василий даже после своей кончины продолжал направлять его, так даруй и ты нам подобную милость, да в полноте ещё большей: держи в руках вожжи жизни, направляя меня по скользкому ристалищу старости, дабы непреткновенно пробежал я остаток пути и после добросовестных

трудов достиг, наконец, того благословенного покоя, которого ты уже вкусил во Отце, и Сыне, и Святом Духе, Коим в совершенном Единстве да будет хвала, честь и слава, во веки веков. Аминь».

[75] Так сказал Бароний. И не подобает нам здесь обойти молчанием, что сам Филипп за несколько дней до своего преставления на небеса изволил сего Барония вразумить. Ибо однажды он призвал его к себе и сказал следующее: «Знай, Цезарь, тебе нужно всеми силами приучать себя к смирению ввиду того, что ты составил Анналы. Ведь они написаны благодаря дару и особой милости Божией, а не твоими собственными силами и прилежанием». И повторил это отец много раз. А Бароний отвечал: «Право же, я знаю и вслух объявляю, что после Бога всем этим я обязан тебе и твоим молитвам».

С той самой целью, а именно, чтобы в пух и прах разбить нынешних «новаторов», слуга Божий ещё прежде издания Анналов поручил ему же составить поименные «Комментарии» к Римскому мартирологу и те, поистине золотые «Замечания», благодаря которым наконец прояснилась церковная истина, а выдумки пустоголовых болтунов рассеялись, точно мгла и туман от солнечных лучей.

Точно так же [настойчивость и молитвенное заступничество Филиппа] послужили причиной того, что примерно в то же время один из отцов Конгрегации, Томмазо Боцци, писал прекрасное исследование «О знамениях в Церкви Божией», а Антонио Галлонио начал составлять «Жития святых», хотя смерть и помешала ему завершить эту превосходную работу.

ГЛАВА VII. СВ. ФИЛИПП УЧРЕЖДАЕТ ДУХОВНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ ПРИ ХРАМЕ САН-ДЖИРОЛАМО-ДЕЛЛА-КАРИТА. ПРИНИМАЕТ НА СЕБЯ УПРАВЛЕНИЕ ЦЕРКОВЬЮ ФЛОРЕНТИЙЦЕВ

[76] Между тем, поскольку ежедневно возрастало множество тех, кто приходил к Филиппу, желая пройти у него выучку и воспитание, и их уже не могло вместить помещение, которые (как мы говорили) раб Божий пристроил к своей комнате, то в год от Рождества Христова 1558, получив соответствующие полномочия, он велел на свои средства построить над правым крылом храма Ораторий, более вместительный и удобный. Итак, именно здесь каждый день после обеда он стал устраивать духовные собрания и вести со своими учениками сладчайшие беседы о божественных предметах, пробуждать в них стремление к христианской добродетели и достохвальной жизни; затем выводил их на прогулку, и если на тот день выпадал праздник или торжество, заходил вместе с ними в какой-нибудь храм, и там они участвовали в вечерне или повечерии, либо же слушали чью-либо проповедь, предпочитая Викентия Эркулано Перуджийского, благочестивейшего и учёнейшего мужа из Доминиканского ордена, который о ту пору в церкви Санта-Мария-сопра-Минерва толковал перед великим множеством слушателей пятидесятый псалом (позднее он стал епископом и управлял Перуджийской епархией в совершенной непорочности, обретя славу святого).

[77] Вскоре после этого Филипп ещё ввел там благотворный обычай дружеских бесед и правило молитвенных размышлений по вечерам; он же первым из всех в Городе стал ежедневно объяснять слово Божие; и к великой пользе христианского

общества он восстановил священные собрания, когда-то по апостольскому обряду учреждённые в главенствующей Церкви, наставнице всего мира.

Однако тут стоит послушать Барония, который уже тогда, при жизни Филиппа, всё подробно рассказал и как бы представил воочию. Ибо, описывая в первом томе «Анналов» те священные собрания, которые при самом зарождении Церкви ежедневно проводились по предписаниям апостолов, он говорит:

«Явно по Божию замыслу устроено было, что именно в наше время, тридцать лет тому назад усилиями, прежде всего, о. Филиппа Нери Флорентийского, который, как мудрый зодчий, заложил основание, а также его ученика во Христе, о. Франциска-Марию Таруджи Монтепульчанского, который при этом явно «начальствовал в слове» (*ср. Деян. 14:12*), в Городе начались [духовные упражнения] по тому самому образцу апостольских собраний, но в значительной части и преимущественно состоящие в наставлении слушателей беседами о божественных предметах, которые Апостол повелел проводить для блага Церкви.

[78] Итак, заботою и усердием сих мужей было первоначально установлено правило, чтобы те, кто наипаче стремился усовершенствовать свою христианскую жизнь, почти каждый день собирались в Оратории при церкви св. Иеронима (ибо именно отсюда наша Коллегия получила своё имя, назвавшись Конгрегацией Оратория), где проводились благочестивые собрания в следующем порядке. Прежде всего, после молитвы, за которой следовало молчание, кто-нибудь из братии начинал чтение вслух, чтобы побудить души к подобающему благоговению. Во время же чтения председательствующий отец обычно выступал с разъяснениями, уточняя, дополняя сказанное и разжигая в сердцах слушателей любознательность. При этом он иногда также спрашивал мнение некоторых из братьев, что они думают об услышанном, и в манере, близкой к диалогической, в течение часа поддерживал беседу при живейшем участии слушателей. По его же велению на возвышение затем поднимался кто-нибудь из братии и держал речь, без прикрас и ухищрений составленную из житий святых, одобренных и принятых [Церковью], божественных писаний и изречений Св. Отцов. Приходивший на смену молвил слово точно в таком же роде, но на другой предмет. Наконец к ним присоединялся и третий, кто рассказывал очередной отрывок из истории Церкви. Каждому предоставлялось по полчаса, и после того, как они завершали свои выступления, приносившие слушателям несравненную пользу и удовольствие, все пели гимн, вновь молились, и распускали собрание.

[79] Итак, после того, как сие начинание получило описанный распорядок и было одобрено властью Римского понтифика, стало очевидно, что возродилось прекрасное подобие апостольского собрания, приспособленное к требованиям времени. Все честные люди сорадовались сему, и весьма многие из них, заимствовав образец, постарались учредить и распространить такие же благочестивые занятия в других местах». Вот что сообщает Бароний, и из этого ясно видно, как зарождался первый ораторий.

Кроме того, в дополнение к этим упражнениям, которые Филипп назначил на рабочие дни, он ввёл ещё и другие, сообразные праздникам. Итак, утром к нему прибывали ученики, и он указывал им, пройдя таинство исповеди, посвятить

некоторое время молитве и размышлениям, а затем по свершении обряда Жертвоприношения подкрепиться небесною Пищей. После чего, разделив их на три как бы рассеянных отряда, он направлял их по различным больницам Города, где они отдавали все свои силы для исцеления душ и тел нищих больных. А тридцать-сорок из них, несколько более ревностных, были как бы его любимчиками, и их он посылал по больницам каждый день; причём они не только в духовном служении стремились друг друга опередить, но и не гнушались даже самых низких обязанностей и прислуживали несчастным лежачим с таким усердием и заботой, что возбуждали всеобщее изумление.

[80] Кроме того, некоторые из них глубокой ночью, перед рассветом воскресенья или какого-нибудь из самых торжественных праздников, возвращались к блаженному отцу и вместе с ним шли в церковь то к доминиканцам, то к капуцинам, и там проводили утренние часы, с величайшим вниманием участвуя вместе с братией в полунощнице. Бодрствуя таким образом всю ночь, они усердно готовились к принятию Евхаристии наутро; почему часто случалось, что, когда сами братья спускались на хор петь псалмы, оказывалось, что там уже полным-полно мирских мужей. Собственно, святой муж в течение многих лет имел обыкновение проделывать это каждую ночь, поэтому тогдашние руководители доминиканской общины из уважения и почтения к рабу Божию давали ему ключ, чтобы он мог свободно входить в их киновию днём и ночью.

[81] К тому же Филипп со своими учениками обходил семь церквей Города (*особо почитаемые «папские» базилики: четыре великих и три малых. – прим. пер.*) в определенное время года, наипаче же на святой неделе и в карнавальные дни, когда молодёжь особенно злоупотребляет некоторой вольностью и возможностью гульнуть без ограничений. Впрочем, в последние годы своей жизни он устраивал такое паломничество только в пору карнавала.

И хотя поначалу совсем немногие собирались в это паломничество, вскоре число участников возросло и ещё при жизни Филиппа насчитывало более двух тысяч. При этом завели обычай приходить и женщины, и люди всех сословий без разбору, множество членов иноческих орденов, а послушники их – так вообще почти все.

Шествие это совершалось в следующем порядке (которого в той или иной мере придерживаются и поныне). В путь отправлялись на рассвете указанного дня и сначала благоговейно посещали базилику св. Петра, а далее – св. Павла. Собравшись здесь вместе, паломники затем разделялись на несколько отрядов, каждый из которых следовал за своим вожатым из числа священников-ораторианцев, и во время священного шествия либо размышляли на темы, предложенные этими отцами, либо скрашивали путь гимнами и духовными песнями, и по этой причине их всю дорогу сопровождали музыканты. Если после этого оставалось время, они посвящали его духовным беседам, а суеты и праздности всячески избегали. В каждой из церквей (за исключением первых двух) кто-нибудь из ораторианцев либо из другого ордена обращался к народу с краткой проповедью.

[82] Когда они доходили до св. Себастьяна или св. Стефана, которому было дано прозвание Ротондо из-за формы храма, свершалась Божественная литургия, при которой многие укреплялись Евхаристией. По завершении сего они направлялись в

какой-нибудь зелёный уголок Города – к виллам Массими, либо Крешенци, либо в сады Маттеи; и там все, разлегшись на траве, получали обильное угощение сообразно, конечно, поре года: хлеб и вино, а сверх того яйцо, кусок свежего сыра и яблоко. Между тем прямо во время угощенья приходили музыканты с несколькими инструментами, и начинался концерт такого рода, что души всех отдыхали и ободрялись. Поднявшись же с трапезы, паломники с веселием и благоговением обходили остальные церкви. Наконец, к вечеру, весьма радуясь и благодаря Господа, значительно обогатившись духовно, они возвращались домой.

[83] Итак, пока Филиппу позволял возраст, он не только каждый год участвовал (как мы говорили) в этом паломничестве, но всей душой и всеми силами ему содействовал, так что не раз даже заболел горячкой от чрезмерного напряжения. А что начинание это было Богу угодное и приятное, выявилось в очевидном чуде.

Ибо, когда однажды блаженный отец вместе со своими учениками, как обычно, отправился в оное путешествие и добрался до места между церквами св. Павла и св. Себастьяна, жуткая буря внезапно омрачила небо и безмерно напугала всех, из-за чего многие готовы уж были пуститься в бегство. А отец велел им взять себя в руки, мол, уж чего-чего, а дождя им бояться совсем не стоит. Услышав это, многие продолжили путь, а иные, слишком робкие, бросились бежать. Но, странно сказать, те, кто последовал за Филиппом, благополучно прошли остаток пути, и их даже капля воды не коснулась, а прочие, кто оставил его, хоть и находились недалеко от них, попали под страшный ливень, понесся наказание за недоверчивость и своеволие.

[84] Итак, сими святыми и спасительными упражнениями Филипп не только своих чад духовных непринуждённо приучал к добродетели, но и других побуждал к благочестию; и ко всеобщему изумлению этот довольно древний церковный обычай был восстановлен. Ведь в городе уже видели многих, что постоянно пребывали (как сказано о самых первых учениках) в учении Апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах (*Деян. 2:42*). Поэтому многие образованные и уважаемые мужи горячо одобряли сие начинание и высоко его ценили. Стоит послушать, какое свидетельство из тех самых времён оставил публике Джованни Деросси, который в предисловии к своей итальянской книге, названной им «Экзамен» и посвящённой Филиппу, молвит:

«Когда в предыдущем году, сиречь 1568-м от рождества Христова, я прибыл в Город, то среди всех достоивных явлений самым замечательным представилось мне зрелище множества благочестивых людей, сходящихся ежедневно толпами в церковь и Ораторий св. Иеронима [бывшего архибратства] Милосердия, что показалось мне куда важнее всех тех древнейших памятников, пышных дворцов, чертогов блистательных принцев и всех остальных достопримечательностей, что представали моему взору. И ещё паче того изумляло меня и услаждало какой-то особой радостью то, что я видел чрезвычайно знатных мужей, причём из разных народов, так охотно и так часто сходящихся слушать слово Божие, которое ты, – обращаешься здесь Деросси к Филиппу, – излагал им без всяких прикрас, ревнуя о вере и спасении христианских душ; отчего часты были случаи, когда тот или иной из многочисленных твоих духовных чад порывал с миром и переходил из воинства земного в стан иноческий». Так молвит Деросси.

[85] В то время флорентийские граждане, проживавшие в Городе, увидев, как Филипп праведным житием своим, мягким и любезным обращением каждый день приводит ко Христу большее всё большее число людей и с величайшим благоразумием и умелостью наставляет их во всякой добродетели и благочестии, постановили передать под его руководство церковь св. Иоанна Крестителя, недавно построенную сим народом. Итак, в году искупления мира 1564-м они направили к нему ходатаев, которые от имени всего народа настоятельно просили его взять на себя руководство новым храмом, убеждая его, что попечение о нём ему будет не в тягость, ибо жилой дом и всё, что он сверх того пожелает, они охотно ему предоставят. Филипп ответил, что об этом следует подумать подольше и что он ничего на этот счёт не решит без усердной молитвы к Богу, но если, познав Вышнюю волю, он увидит, что это благополезно, то с радостью удовлетворит их пожелание.

Через несколько дней, когда они, как было условлено, вернулись к нему, он откровенно сказал, что никакие доводы не могут убедить его оставить храм Милосердия. Услышав это, Бернардино Чирилло, комендант Госпиталя Св. Духа в Сассии (*первый приют в Европе, основанный в VII в., первоначально – для размещения паломников с Британских островов. – прим. пер.*), Джамбаттиста Альтовити и Пьерантонио Бандини, знатнейшие из флорентинцев, нарочно избранные для этой цели, отправились к понтифику (тогда им был Пий IV) и легко уговорили его обязать Филиппа принять ту должность, от которой он было отказался. Тут же возвратившись к отцу, они уведомили о воле папы; теперь-то, мол, он уж не откажется от возложенной на него ноши. Святой подчинился и с подобающей ему покорностью духа взялся за поручение, [попросив, чтобы] только его не принудили покинуть храм Милосердия.

[86] Итак, взяв на себя руководство сей церковью, он похлопотал о возведении нескольких из своих учеников в священный сан, а именно: Цезаря Барония, о котором мы упоминали выше; Джованфранческо Бордино из Рима, выдающегося проповедника слова Божия, кого Верховный понтифик Климент VIII выбрал себе в духовники за несравненную его добродетельность, а также назначил, несмотря на его возражения, епископом сначала в Кавильоне, а затем в Авиньон; и Алессандро Фидели из Рипатрансоны, отмеченного дивной непорочностью и чистотою жизни.

Поначалу он отправил их жить при храме флорентинцев; и Алессандро привёл с собою Джерманико Фидели, своего племянника лет шестнадцати. Немного погодя к их компании присоединился Франческо Мария Таруджи, о ком мы упоминали ранее, и Анджело Велли из Палестрины, муж совершенно ангельского нрава, который возглавлял Конгрегацию вторым после Филиппа. Едва все они по призыву блаженного отца съехались в тот храм, где им предстояло жить, как начали изо всех сил возделывать выделенную им пажить. Итак, каждое утро они отправлялись в церковь Св. Иеронима, где полностью омывали свою совесть [на исповеди] у Филиппа. После обеда снова возвращались туда же либо для того, чтобы послушать выступления перед народом, либо для того, чтобы сами в свою очередь их провести. Вечером они опять собирались там для молитвы, и не могли помешать им ни холод, ни жара, ни дождь, ни какие-либо иные затруднения, ибо священные упражнения они ежедневно посещали с прежней настойчивостью.

[87] Распределили они между собою домашние обязанности так, что каждый в свой день подаёт на стол и прибирает, а нескольких лет у них был обычай, что каждый в течение недели занимается закупкой всего необходимого провианта и готовкой, причём с таким воодушевлением и радостью, что Бароний написал крупными буквами углём на печи своё имя, да ещё в шутку снабдил сим торжественным и пышным и титулом: «Цезарь Бароний, Вечный Повар». Причём если к нему подходил какой-нибудь из выдающихся умов (а это часто случалось), глубоко заинтересованный духовной жизнью или наукой, то заставлял его, препоясанного полотенцем, за мытьём кастрюль и тарелок, а также усердно занимавшегося прочей грязной работой такого рода.

Обязанность чтеца за столом сперва выполняли Джерманико Фидели и Оттавио Паравичини, юноша превосходных дарований, ученик Барония, впоследствии облачённый в кардинальский пурпур за необычайную свою добродетельность. Итак, сначала читали Святую Библия, а далее что-нибудь из достоверных историй о святых либо спасительные поучения на итальянском языке. Чтение занимало более половины обеденного времени, а по завершении оно кто-нибудь из сотрапезников предлагал вопрос относительно Священного Писания или нравственного наставления, на что другие затем, как кому было угодно, кратко и скромно отвечали.

Ну а по субботам они все вместе подметали вениками пол в церкви, украшали алтари и приготавливали всё остальное, что считали нужным к воскресному дню; по каковой причине в этот день было принято делать перерывы в выступлениях, что соблюдается и по сей день.

[88] А в праздничные дни те, кто по священному сану был уполномочен, свершали таинства Исповеди и Евхаристии. Также и Святая месса служилась торжественным чином, а когда священников оказывалось меньше, чем для такого богослужения требовалось, кто-нибудь из них переходил от исповедальни к алтарю. Помимо того в течение нескольких лет Бароний и Бордино по праздничным дням по очереди читали с возвышения проповеди народу (ибо флорентинцы не просто просили – требовали этого!). После ужина торжественно пели вечерню, по завершении коей шли в базилику Санта-Мария-сопра-Минерва либо Санта-Мария-дельи-Анджели-э-дей-Мартири – куда заранее указывал Филипп. И уж там, когда собирались и другие его ученики, они по обычаю проводили молитвенное собрание и делились светом божественной мудрости. Ведь сам отец или кто-либо другой излагал своё мнение по теме, на которую его просили высказаться, как Дух давал ему провещевать (*ср. Деян. 2:4*).

[89] Позднее прямо-таки вошло в похвальный обычай, чтобы все посетители занятий в нашей Оратории ежегодно во время пасхальных торжеств, а также по праздникам после вечерни сходились на ту часть Яникула, которая считается самой красивой из всех благодаря природе и восхитительному виду на Город. Когда же из-за летнего зноя они не могли выйти на улицу, то подавались в какой-нибудь храм (например, с любезного дозволения князя Джамбаттисты Памфили (*будущего папы Иннокентия X. – прим. пер.*), в базилику св. Агнессы на Пьяцца-Навоне), где сначала пели какую-нибудь благочестивую песню, затем кто-нибудь из юных ребят наизусть произносил коротенькую речь, в равной мере благочестивую и изящную; потом отцы тоже как можно короче молвили речи, перемежаемые пением под музыку,

после чего собрание расходилось. Ну а с начала зимы (точнее, от ноябрьских календ) и до пасхальных праздников они с наступлением темноты по удару колокола, призывающего к Ангельскому приветствию, собирались в оратории, где обычно сначала предавались мысленной молитве, затем пели в честь Пресвятой Девы литанию и антифон соответствующего дня, после чего при большом стечении народа со всего Города совершали, как правило, примерно те же упражнения.

[90] Итак, таковой образ жизни отцы терпеливо вели в течение десяти лет, и души их услаждались сим более, чем утруждались тела. Ну а мы попытались рассказать здесь об этом подробно, чтобы оставить нашим людям назидательный пример того, какой скромностью и смирением отличались основоположники Конгрегации, при том, что многие из них блистали родовитостью и учёностью, ради каковых достоинств были возведены на самые высокие и значительные церковные должности.

Когда же флорентинцы заметили, что отцам крайне трудно каждый день по три раза ходить туда-сюда от храма св. Иоанна в церковь св. Иеронима, ибо они находились на немалом расстоянии друг от друга, стали просить и умолять Филиппа перенести духовные упражнения в их собственный храм, поскольку там им будет удобнее и просторнее. И вот в год Спасения 1574-й с одобрения Верховного понтифика Григория XIII, в 17 день до майских календ (*15 апреля. – прим. пер.*), когда шли пасхальные праздники, [Филипп со сподвижниками] перебрался из Оратория св. Иеронима в другой, гораздо более вместительный, построенный флорентинцами, и там стали возвещать проповеди; и слово Божие росло, и число учеников весьма умножалось (*Деян. 6:7*).

[91] Поэтому Джованни Джовенале Анчина, которого память благословенна (*Сир. 45:1*) и к кому мы в своё время в нашем рассказе вернёмся, в письме брату своему Джованни Маттеи молвит так:

«Много дней назад я хаживал в ораторий св. Иоанна у флорентинцев, где каждый день четверо или пятеро произносили прекраснейшие проповеди, толкуя Евангелие, рассуждая о добродетелях и пороках, о церковной истории, пересказывая житиях святых; и многие славные мужи, епископы, предстоятели и иные сходились туда, чтобы послушать их. По окончании проповедей пели под музыку священный гимн, дабы оживить внимание слушателей. В те дни как раз рассказывали о житии святого Франциска и некоторых его спутников, а также святого Антония Падуанского. Уверяю тебя, что это нечто совершенно прекрасное, да притом на диво радует и назидает народ; так что мне поистине остаётся лишь горько жалеть, что в прошлом году до нас не дошла ни единая весточка о столь замечательных упражнениях.

Знай же, что те проповедники суть мужи церковные, замечательно высокой жизни и нравов. И есть у них вождь и руководитель – досточтимый некий отец Филипп, старец шестидесяти лет, вызывающий восхищение по многим причинам, но прежде всего из-за его несравненной святости жизни да величайшего благоразумия и смекалки, проявившейся в том, как он придумал духовные упражнения и распространяет их. И с его же почина было учреждено то великое благотворительное мероприятие христианское, которое мы сами наблюдали в последний юбилейный год в приюте Паломников у Пресвятой Троицы. О сем муже

весьма высоко отзываются Толедо, Поссевино и другие. Наконец, к нему, как к оракулу, стекаются не только из Города, но и со всей Италии, Франции и Испании». Так сказал Джовенале, и из слов его ясно видно, как Бог ежедневно возвращивал Ораторий, который Филипп насадил, а ученики его поливали (*ср. 1 Кор. 3:6*).

ГЛАВА VIII. КАК, ПРЕТЕРПЕВ РАЗЛИЧНЫЕ ГОНЕНИЯ ЗА ХРИСТА, ФИЛИПП УЧРЕДИЛ КОНГРЕГАЦИЮ ОРАТОРИЯ

[92] Однако столь благочестивые и похвальные упражнения не только снискали Филиппу величайшую приязнь всех добрых людей, но и послужили топливом для зависти и ненависти некоторых людей порочных. Ведь уже с самого начала, когда слуга Божий начал проводить духовные встречи у себя в комнате (было это около 1552 года), кто-то сразу же по наущению и подстрекательству бесовскому начал сперва тайно чернить сие новое установление, а потом и прилюдно выступать против него со злобными речами. Хуже того, вожаком столь нечестивой и порочной партии выступил Винченцо Теккози, врач из Фабрианы и один из тех, кто в ту пору заведовал хозяйством общины св. Иеронима. К нему в сотоварищи присоединились двое беглых монахов, которые под видом священников обманно проживали в той обители св. Иеронима. И сговорившись, они предпринимали всяческие попытки вытеснить оттуда служителя Христова.

[93] Итак, поскольку они исполняли обязанности смотрителей храма, то если вдруг Филипп приходил во святилище для свершения литургии, они или тут же у него перед носом захлопывали двери, или отказывались выдавать священные облачения, или же предлагали те, что были погрязнее и более изношены, осыпая его притом упрёками. Иной же раз, пока он по обычаю подготавливал Св. Дары и читал предварительные молитвы, выхватывали у него из рук миссал или чашу и прятали. Иной раз, когда он был готов служить мессу, внезапно приказывали снять священный орнат. Иной раз, стоило ему шаг ступить из ризницы или даже уже начать мессу, переводили его от одного алтаря к другому или вызывали его обратно в самое святилище, где накидывались на него с множеством оскорблений и поношений, требуя убраться в другое место. А он, страстно жаждая вытерпеть все посрамления и поношения за имя Иисуса, не только терпеливо сносил наносимые обиды с удивительным спокойствием, но даже горячо молился Богу о гонителях своих, и всякий раз, когда ему представлялся случай, воздавал им за злодеяния кротостью и милостью. Мало того, когда его собственные ученики просили его уйти, наконец, из того места и избавиться от таких неприятностей, он отвечал, что никогда себе этого не позволит и ни за что не откажется от креста, назначенного ему Богом.

[94] Но чем больше терпения и снисходительности проявлял слуга Божий к этим невероятно бессовестным людям, тем более упрямыми и дерзкими они оказывались с каждым днём. А потому отец, испытав всё и ничего не добившись, однажды посреди мессы устремил взор на образ Распятия и молвил: «Отчего, добрый Иисусе, Ты так отдалился? Отказываешь мне в подмоге, когда я оказался в беде? Я так давно вымаливаю у Тебя терпения, а его нет как нет. Почему Ты не внимлешь молебам моей?» И тут он внезапно услышал, как Господь ему шепчет в сердце: «Ты просил

терпения? Что ж, обещаю дать тебе его, но знай, что заплатить за него придётся именно так». Услышав эти слова, добрый воин Христов весьма ободрился и в дальнейшем переносил всё с великой радостью, стремясь терпением своим и мягкостью вконец истощить злобу негодяев, а сам достиг такой высоты душевной, что не просто не уклонялся от обид и поношений, но даже добровольно искал их и принимал с искренней охотностью. И до конца жизни, когда ему досаждали эти же или другие люди, он с величайшей любовью извинял их проступки, а за себя и слова не позволял произнести в защиту.

[95] Случилось же по прошествии двух лет так, что один из них в той же обители Милосердия однажды подскочил к Филиппу и в увенчание оскорблений осыпал его всевозможными проклятиями и поношениями. Другой же, однако, смутился низостью такого поступка и, явно по внушению Божию, из врага вдруг обратившись в защитника, с великой яростью бросился на злоречивого; и малого недоставало, чтобы он свернул ему шею, что и на самом деле свершил бы, если бы вселюбящий отец тотчас же не противостоял буяну. Потрясённый сим превосходным примером христианского милосердия, несчастный тот образумился и, несмотря на память о прежнем и ясное понимание того, как сильно он провинился перед Филиппом, всё же так глубоко уверился в доброте этого исключительного человека, что без колебаний открыл перед ним свою совесть, попросив совета и помощи. И надежда его не обманула, ибо же по совету и с содействия Филиппа он вернулся в ряды воинства иноческого, что были давно им оставлены, и с тех пор направо и налево рассказывал, каков слуга Божий, дивно его прославляя.

Довольно похожий случай произошёл с Винченце Теккози, который, как мы немного выше сказали, был коноводом и вдохновителем этой злой затеи. Ибо непритязательность и смирение Филиппа покорили и укротили даже его; и, освободившись от всякой лютости, он смиренно бросился к его ногам и на виду у многих со слезами признал свои прегрешения. А позднее он стал так послушен и почтителен к Филиппу, что приходил к нему каждый день и не отступал от него ни на шаг; ведь даже умирая он оставил ему по завещанию некий драгоценный часослов в память любви своей.

[96] Однако то были не последние гонения, с которыми пришлось столкнуться Филиппу – в 1559 году он перенёс куда большие и труднейшие. Ибо, хотя он со своими сподвижниками уже давно начал в определённые времена года (как описывалось ранее) совершать паломничество по семи церквам Города, и с каждым днём к нему стекалось множество народу, а очень многие горячо поддерживали такое начинание и взирали на сие с одобрением, тем не менее не было недостатка и в тех, кто истолковывал это дело иначе и считал, что его следует полностью запретить. Ведь находились и такие (ибо людям свойственно во всём подозревать низшие побуждения), что приписывали сии паломничества, едино лишь во славу и честь Бога совершаемым, гордыне и высокомерию, и заявляли, будто нет ничего недостойнее и неприличнее для инока, давшего обет христианского смирения и отказа от земных дел, чем шествовать в окружении огромной толпы народа и обращать на себя взоры всего Города. Другие же, кто мыслил попроще, видя, что это предприятие было связано с некоторыми расходами, но пытаясь при этом принять во внимание, на какое множество народа они тратились и как бережливо,

утверждали, что такого рода паломничество установлено ради чревоугодия. Третьи, наконец, что были умнее и рассудительнее, ссылаясь на заботу об общественном спокойствии, полагали, что это начинание надо, как болезнь, всеми способами исцелять, дабы не дала она повода для каких-нибудь смятений и мятежей.

И сообщали об этих разговорах Филиппу каждый день, но он, полагаясь на свидетельство своей безупречной совести, равно как и на покровительство божественного Промысла, всё происходящее воспринимал спокойно и без малейшей обиды. Кроме того, поскольку некоторые из противников были людьми благоразумными и благочестивыми и ревность Божию имели, но не по разуму, он, спасая от ущерба их доброе имя, всеми возможными способами оправдывал их перед своими учениками.

[97] Между тем слухи распространились по всему Городу и вскоре достигли самого папского викария. Он, побуждаемый чьими-то наветами и подозрениями, велел позвать к себе Филиппа и с разгневанным видом молвил ему: «Не стыдно тебе, человеку, презревшему мир, склонять такое множество людей к тщеславию и поиску наилегчайших путей снискать одобрение, под благовидным предлогом домогаясь церковных должностей?!» Добавив к сим укорам ещё пару подобных же, викарий дал отцу приказание, чтобы в течение пятнадцати дней он воздерживался от слушания исповедей и иных духовных упражнений проводить не смел, если только не будет на то распоряжения; а помимо того – не водил с собою людских толп. В случае непослушания грозил тюрьмой, изгнанием и чем похуже. Закончив выговор, потребовал, наконец, от святого отца ручательства, что явится для разбирательства по первому требованию. Филипп же тогда с кротким и ясным лицом, выразившим глубокое спокойствие и безмятежность духа, молвил: «Что ж, поскольку упражнения эти я учредил лишь во славу единого Бога, то, конечно, ради Его же славы и откажусь от них с полнейшей охотностью. Вверяю себя самого и все мои начинания распоряжениям начальствующих, ибо их предписания доселе были и до конца жизни будут мне невредимым кровом. Ну а по Семи церквам Города я паломничал со своими духовными чадами, чтобы отвлечь их от греховных соблазнов, которые особенно сильны в дни Карнавала». Тут викарий прервал его: «А вот и нет! Ты честолюбец, и занимаешься этим, чтобы секту какую-то произвести, а не на честь Божию!» В итоге Филипп повернулся к некоему образу Христа, висящего на кресте, и молвил: «Ты, Господи, знаешь, ради чего мы это делаем!»

[98] Сказав это, Филипп ушёл; и, поскольку он всегда руководствовался вседостойной добродетелью послушания, то запретил с того дня всем своим ходить с ним по городу; и увещевал их терпеливо снести это и целиком верить Господу в молитвах, ибо теснимая истина вскоре выйдет наружу и станет общеизвестна. Итак, стараясь всеми возможными способами заставить их, несмотря на нежелание, подчиниться начальствующим, он, выходя из дому, отсылал всех в разных направлениях. Однако, так как они не могли вынести разлуки с дражайшим отцом, то поджидали его в сторонке, а затем следовали за ним на расстоянии; и чем строже он запрещал им ходить с ним, тем настоятельнее они этого добивались. Между тем, пока Отец милостей милостиво упражнял благого подвижника, он постоянно приносил молитвы и моления Могущему спасти Его (*ср. Евр. 5:7*); а сверх того

возносил за себя и своих небесные Жертвы высочайшему Имени Его, благодаря чему всё вышло, как он и говорил.

[99] Ведь через несколько дней в Оратории появился некий муж. Выглядел как священник, но никто никогда не видал его ни до, ни после; ликом серьёзный и скромный, одетый в поношенную сутану и препоясанный веревкой. Он сказал, что послали его некие иноки, чьи сердца Бог просветил ведением относительно недавних противодействий начинаниям Оратория, ввиду чего они совершили сорокачасовой молебен, принесший великий плод. И тут, подступив к Таруджи, он молвил ему на ухо: «Стойте и смотрите на спасение Господне вам. Не бойтесь и не ужасайтесь (*ср. 2 Пар. 20:17*), ибо Вседержитель скоро превратит бурю в тишину, и волны умолкнут, и Он приведёт вас к желаемой пристани (*ср. Пс. 106:29-30*). Сверх того, досаждающие вам ныне противники станут потом сторонниками вашими; те же, кто продолжит упорствовать в нападках, за своенравие своё понесут тягчайшие кары, ибо истребит их Господь Бог наш (*Пс. 93:23*). Ну а тот прелат, что ожесточённее прочих борется с начинаниями Оратория, в течение двух недель распрощается с жизнью». Вот что он сказал. И слова его оправдались.

Ведь истина, долгое время подавляемая, однажды воспрянула и, одолев обман, внезапно вышла наружу; все дьявольские ухищрения, имевшие цель удушить пока ещё робкие начинания новорождённого Оратория, обратились в прах, а сами сии духовные упражнения споспешением Божиим составили величайшую славу конгрегации и послужили её приумножению. Что касается прелата, упрямо цеплявшегося за нечестивую клевету, то после того, как он доложил о сем деле Понтифику и возвращался от него, смерть настигла его, прежде чем он успел выступить за порог дворца.

[100] Однако Филиппа нельзя было разрешить от запрета в служении без выяснения причин, и после подобающего рассмотрения вопроса было сочтено правильным вызвать его на суд, чтобы он представил все необходимые доказательства своей невиновности и опроверг клеветнические измышления нечестивцев. И всё же сей кротчайший муж не попытался прибегать ни к каким человеческим средствам для своей защиты, но, положившись только на благость Божию и свидетельство совести, оградился одною лишь молитвою. Поэтому он говорил своим духовным чадам: «Не из-за вас, а из-за меня поднялась эта буря; ведь таким образом Богу угодно поучить меня смирению и терпению; а когда дело будет сделано, гонения немедленно прекратятся». Сверх того, он не позволял даже вскользь высказываться против одного прелата: так, например, когда как раз в те самые дни он выслушивал исповедь у одного из своих духовных сынов и тот начал было рассказывать о неожиданной смерти викария, утверждая, что причиною её был праведный суд Божий; тотчас же Божий слуга прервал сию речь, гримасой и жестом правой руки дав знак смолкнуть.

Тем временем руководивший тогда Католической Церковью Павел, IV с сим именем Верховный Понтифик, убедившись при внимательном рассмотрении в невинности и благочестии Филиппа, направил к нему посыльного с подарком, свидетельствующим о своей благосклонности: двумя позолоченными светильниками; уделил ему также полное право свершать своё обычное паломничество по Семи церквам Города и выполнять все остальные служения своего учреждения, прибавляя, что, кроме того, и сам весьма охотно поучаствовал

бы в них, если представится возможность, а поэтому пускай, мол, Филипп не перестаёт поддерживать его, Павла, своими молитвами к Богу. Услышав сие, присутствовавшие при том братия из Оратория с песнями и славословиями возблагодарили Господа, Который так много облагодетельствовал Израиля, и даровал им победу (2 Мак. 10:38) Всемогущий Господь. И невдолге после этого невероятная толпа народа свершила шествие к Семи церквям, не без величайшей радости и ликования во всём Городе.

[101] И вот, спасшись из этой бури гонений, Филипп угодил в другую, и, может быть, даже более страшную. В год от девственного рождения 1570-й, когда христианским миром руководил Верховный понтифик Пий V, нашлись такие, кто под прикрытием набожности и благочестия донёс, будто в Оратории при церкви св. Иеронима постоянно ведутся легкомысленные и пустые разговоры, а иногда рассказываются историйки, не имеющие под собой почти ни малейшего основания, что, неважно, по нерассудительности то или по невежеству, может нанести христианскому делу немалый ущерб. Этот донос обеспокоил понтифика, а поскольку он был не только крайне внимателен к таким вещам, но и чрезвычайно благоразумен во всём, то пригласил к себе двух выдающихся магистров теологии из доминиканского ордена – каждого особо – и велел захаживать в Ораторий при св. Иерониме, внимательно наблюдая за тем, что там делается и говорится. И при обнаружении чего-либо не особенно соответствующего христианскому вероучению или нравственностью от них требовалось немедленно сообщить ему о своих наблюдениях.

[102] Во время этих событий Александр Медичи, впоследствии ставший Верховным понтификом по имени Лев XI, а в ту пору служивший послом Великого герцога Тосканского при понтифике, явился однажды к папе и говорил с ним о многом. Наконец, понтифик, зная, что этот человек, приверженный благочестию, часто посещает упражнения в Оратории, сказал, что, по его мнению, в духовных беседах, которые ведутся там с народом, кое-что высказывается порой не очень осмотрительно и благоразумно; например, не так давно была рассказана знаменитая история о св. Аполлонии Деве – когда она, приговорённая к сожжению, внезапно вырвалась из рук нечестивых и сама вдруг бросилась в горящий костёр; и не добавили (а безусловно, нужно было), что она совершила столь величественный поступок, воспламенённая ещё более великим огнём – Святого Духа. Попрощавшись с понтификом, посол затем отправился в церковь Санта-Мария-сопра-Минерва, чтобы послушать проповедь.

И тут вдруг Джерманико Фидели, о котором мы упоминали выше, от имени Филиппа пригласил его как можно скорее пожаловать к святому отцу, ибо ему необходимо побеседовать с ним, а прийти к нему, как подобало бы, он не имеет возможности, страдая от боли в ноге. И вот, после обеда Александр пришёл в Ораторий, где прежде, чем явиться к Филиппу, пожелал послушать речей. Причём наряду с остальными он послушал Франческо Марию Таруджи, который по приказанию Филиппа прошёлся именно по тем темам, о которых утром в личном разговоре с Александром упомянул понтифик; в частности, описал тот благородный подвиг св. Аполлонии с подобающим благоразумием и рассудительностью, а именно – добавив, что когда сию несравненного мужества деву палачи схватили, чтобы сжечь, она ненадолго замерла, как бы обдумывая, что предпринять, а когда вырвалась из их

рук, то сама бросилась в разведённый для неё огонь, возгоревшись внутри ещё большим пламенем – Святого Духа. Услышав сие, посол пришёл в совершенное изумление и по окончании проповеди явился к Филиппу. Тот, как увидел его, сразу молвил: «Скажи-ка, пожалуйста, Александр, что говорил тебе понтифик на наш счёт нынче утром?» Он же, по такому множеству признаков смекнув, что разговор тот уже отнюдь не секрет, тотчас во всём откровенно признался, восхитившись высочайшей святости мужа, которому по откровению Божию было дано провидеть весьма отдалённые и при этом совершенно тайные события.

[103] Кроме того, те двое доминиканцев, которым было поручено (как мы только что сказали) присматривать за происходящим в Оратории, по прошествии недолгого времени, достаточного для выяснений, вернулись к понтифику и засвидетельствовали, что исключительно всё, ими виденное и слышанное, благоухало необычайным благочестием и при этом учёностью. Посему, мол, они чрезвычайно удивились, какие изящные и глубокие там вели беседы, сколько было пыла духовного, сочетающегося с доскональным знанием Священного Писания. Услышав это, понтифик исполнился невероятной радости; прежде всего потому, что увидел, как усердно взялись за возделывание виноградника Господня лучшие работники своего времени. С тех пор он так уважал и ценил Филиппа и его учеников, что, отправляя кардинала Алессандрини, своего племянника по сестре, легатом к королям Испании, Франции и Португалии, он во всех поездках поручил сопровождать его Франческо Марии Таруджи, с которым доверительно обсудил все поручения.

В итоге это принесло Филиппу и его упражнениям безмерную славу и уважение. Ведь после того случая те самые отцы-доминиканцы, о которых мы только что говорили, стали приходить в Ораторий почти каждый день и либо слушали там проповеди, либо даже иногда произносили; а по их примеру часто делали то же самое и другие иноки различных орденов; как, например, из францисканцев нередко заглаживал и молвил слово эконома Франциск Феррарский, широко известный святостью жизни и проповедническим талантом.

[104] Итак, на этот раз хлопоты оставили Филиппа в покое. И хотя он по своему исключительному смирению никогда не помышлял (согласно собственным его словам) об основании конгрегации, однако духовные упражнения день ото дня становились всё плодоноснее, и самые ревностные из его учеников постоянно просили позволения поселиться вместе при нём, радея о том, чтобы сие подвижническое начинание, уже во многих случаях подтвердившее свою благотворность, передать и грядущим поколениям, и он счёл целесообразным приобрести себе какую-нибудь обитель с храмом, где можно будет учредить конгрегацию светских священников и продолжить испытанные временем упражнения.

Поразмыслив над этим, он счёл наиболее подходящими два римских храма, оба посвящённые Богородице Деве; один в Монтичелли, другой в Валличелле, как он и по сей день называется в просторечии. Долго колебался Филипп, какой из них выбрать. Итак, поскольку дело было немаловажное, дабы узнать волю Божества, он

решил посоветоваться с Его наместником на земле. Был им то время Григорий XIII, которому наша Конгрегация многим обязана. Ну и ему показался более подходящим храм валличелльский; ведь хотя он теснее и неудобнее, зато находится в самом оживлённом месте Города, что как раз годится для исполнения задач Оратория.

[105] Филипп с величайшей охотностью принял совет папы – как если бы исходил от оракула. Итак, без всякого промедления он позаботился о приобретении этого храма, и там при поддержке апостольской власти основал конгрегацию светских священников, которой дал название «Ораторий» Сверх того он получил полномочия составить законы и декреты, наиболее пригодные для задач его Конгрегации, которые затем надлежало представить Верховному понтифику для того, чтобы он освятил и одобрил их применение, что тот же Григорий XIII изволил засвидетельствовать публичной грамотой, подписанной в Риме 15 июля 1575 года.

И самыми первыми в этом здании Филип разрешил поселиться двоим из своих учеников: Джерманико Фидели, о котором мы упоминали ранее, и Джанантонио Луччи из Баньяреа, мужу исключительной добродетели, поручив им и о самом храме заботиться, и выполнять приходские обязанности. Между тем отцы задумались о восстановлении храма (ибо сложен он был худо и грозил обрушением). И хотя они готовы были полностью перестроить его, однако одной доброй воли было мало – средств недоставало. И вот однажды Филипп (ибо сердце его уповало на Господа (*ср. Дан. 13:35*)) велел снести ветхое здание и возвести новое, гораздо просторнее, чтобы оно соответствовало задачам Конгрегации.

[106] И вот, когда ветхие стены этой церквушки были снесены, прибыл архитектор Матфей Кастелльский, чтобы наметить границы нового храма. Филипп, получив о том известие (а он тогда находился в обители св. Иеронима и, облачённый к литургии, как раз выходил из ризницы), велел подождать его, пока не отслужит мессу. По её завершении он пришёл в Валличеллу, и хотя архитектор провел черту достаточно длинную, чтобы отмерить подобающее пространство, святой отец приказал ему провести её во второй, а затем и в третий раз, отодвигая всё далее, а именно до того предела, каковой предуказал ему Бог; пока, наконец, не молвил: «Здесь остановимся, здесь копайте землю под фундамент!» Дивное дело, ничего не скажешь! Углубившись в землю, обнаружили прочную стену несказанной древности – десять ладоней шириной, а в длину больше самого намеченного здания. Вот на этом-то фундаменте и возвели правую часть храма, причём там вдобавок нашлось такая масса битого камня, что его хватило для возведения остальных перекрытий и большей части стены. Таково было достославное начало строительства храма Валличелла, первый камень в основание которого был 17 сентября 1575 года торжественно заложен Александром Медичи, в то время флорентийским архиепископом (позднее ставшим папой Львом XI).

[107] Между тем, пока вершилось дело Божие, некоторые соседи чинили одно препятствие за другим (как же без этого!); одни как приватно, так и публично чернили отцов, а другие, ещё более лютые нравом, не стеснялись даже порой бросаться камнями в Джанантонио Луччи, заведовавшего стройкой. Зря, впрочем, ведь мужа сего превосходного и прилежно занимавшегося своим поручением, милость Божия избавляла от всякой опасности. Более того, от внимания многих не утаилось, что все, кто смел мешать этому строительству, в течение двух лет погибли.

Вскоре затем работы по милости Божией завершились, и 3 февраля 1577 года (на какой день пришлось воскресенье Семидесятницы) отцы начали совершать там богослужения. А для того, чтобы это событие принесло ещё больший духовный плод, Верховный понтифик Григорий XIII соблагОВОлил уделить полное отпущение всех грехов тем, кто в этот день посетил новую церковь или участвовал в жертвоприношении Святой Мессы, которую с величайшей пышностью отслужил архиепископ Флорентинский. В итоге тот храм стали наведывать огромные толпы народу, а немного позже, в апреле месяце, и отцы из ОраТОрия св. Иоанна перенесли туда свои ежедневные собеседования.

[108] Тем временем конгрегация с каждым днем быстро прирастала в числе, и столь многие присоединялись к Филиппову духовному воинству, что, наряду с прочим, требовалось подумать о более поместительном здании. В то время к новому храму примыкал теснѐхонький монастырь, в котором обитала горстка освященных дев ордена св. Клары, а поскольку они по велению своего руководства уже давно собирались переселиться в другой клариссинский монастырь, то отцы склонялись к тому, чтобы прикупить себе это помещение. Однако Филипп возражал, поскольку считал, что из-за расходов на строительство церкви и так пришлось немало занять, а потому брать на себя бремя дополнительных долгов не стоило. Кроме того, он надеялся, что с помощью Божией удастся получить здание как-нибудь иначе. Но (поскольку люди боязливы и больше полагаются на своё благоразумие) несколько отцов, чтобы покупатель со стороны случайно не перехватил у них помещение, всё-таки попытались. И вот пришло время заключить сделку, как вдруг нате: уполномоченный [от ордена клариссинок] вопреки всяким ожиданиям и обычаям заявил, что никак не может принять долговую расписку на оговоренную сумму, и как бы его ни убеждали, остался при своём решении. Так и разошлись, не договорившись.

[109] Тогда Помпео Патери, пресвитер и эконом Конгрегации, направился к Филиппу и случайно столкнулся с ним, когда тот выходил за порог валличелльского храма. Как только отец увидел его, тотчас же молвил: «Ну не предупреждал ли я, что эту киновию не нужно покупать за наши деньги?! Дай-ка мне эту расписку... Хотя купить и не сможем, но Господь не оставит надеющихся на Него (*ср. Вульг. Иуд. 13:17*)». И сказанное сбылось. Ведь пять месяцев спустя Пьетро Донато, кардинал Чези, имевший весьма выдающиеся заслуги перед нашей Конгрегацией, приобрёл за огромную цену не только саму киновию, но и другие соседние дома, и великодушно передал их ОраТОрию.

[110] Просто невозможно описать, какое Филипп проявлял доверие к Богу как при начале этого предприятия, так и по ходу его; ведь к стройке он приступил, не располагая почти никакими средствами, и всё же в течение двух лет довёл строительство до конца. Порой для продолжения работ не было ничего, а и тут он не терял духа, но, возлагая надежду свою на Бога, говорил: «Вот, Господь Бог помогает Мне» (*Ис. 50:9*). И никогда не разочаровывался в итоге: всякий раз, как было нужно, деньги быстро оказывались в его распоряжении. Поэтому многие были уверены, что средства появляются чудом (о чём мы ещё скажем отдельно), ведь Филипп расходы имел ежедневно, а ни гроша ни у кого не просил. И хотя некоторые, совершенно не разбиравшиеся в его делах, иногда ставили ему на вид чрезмерный объём и

трудность предпринятых трудов, он, полный благой надежды, молвил: «Уповаю на Господа, не поколеблюсь (Пс. 25:1). А потому уверен, что, полагаясь на Его содействие, смогу разрушить этот храм, если так уж нужно, и построить другой, гораздо больше и прекраснее». Когда же ещё и в другой раз зашёл о том разговор, он открыто заявил, что заключил с Богородицей соглашение, а потому не уйдёт из этой жизни до тех пор, пока над церковью не возведут крышу, что и в самом деле исполнилось.

[111] Итак, самым первым принёс приношение Господу для устройства скинии (ср. Исх. 35:21) святейший муж Карл, кардинал Борромей (св., пам. 4 ноя.), пожертвовавший двести золотых. После этого восемь тысяч подарил Верховный понтифик Григорий XIII и столько же затем оставил по завещанию Пьетро Донато, кардинал Чези. Подражая доброте брата Анджело Чези, епископ Тоди, израсходовал на фасад храма более тридцати тысяч, а сверх того построил прекрасную капеллу. Ещё четыре тысячи от щедрот своего благочестивого сердца уделил Федерико, кардинал Борромей. Они и прочие многочисленные жертвователи приносили все свои приношения Господу на устройство святилища совершенно добровольно, ибо (как мы уже говорили) слуга Божий никогда ни у кого ничего не просил.

[112] Тут стоит упомянуть, что происходило в ту пору, когда строилась церковь. Когда здание было возведено до карниза, работы стали, потому что кончились деньги. Один из светских членов Конгрегации, руководивший стройкой, обратился, как обычно, к отцу и огорчённо сообщил ему обо всём. На что отец молвил: «Держай, чадо! (Мф. 9:2) Ибо Господь даст всё, что нужно для строительства дома Своего». А тот ему: «Вот что, отче: есть в Городе один человек, невероятно богатый – и всё тратит на благочестивые цели. Если ему хоть намекнуть, не сомневаюсь, он с величайшей готовностью одарит нас довольно крупной суммой». Филипп же возразил: «Но ведь я, сын мой, никогда ничего не просил у людей, а всё получал от щедродательного Бога. К тому же наша нужда не секрет для этого, как ты говоришь, богатого и благочестивого, мужа; так что, если он захочет пожертвовать нам что-нибудь, то сделает это по своей воле, а если нет, то Бог нам помощник вовек (Вульг. Пс. 61:9)».

Короче говоря, через несколько месяцев умер некий известный адвокат, весьма любивший нашу Конгрегацию, завещав ей более четырёх тысяч золотых; а затем, по прошествии шести месяцев, другой оставил свыше восьми тысяч. Так что уже ни у кого не оставалось сомнений, сколь угоден Господу замысел Филиппа и высота помыслов его.

ГЛАВА IX. О НЕКОТОРЫХ ЕГО ДУХОВНЫХ СЫНАХ, ПРОСЛАВЛЕННЫХ СВЯТОСТЬЮ СВОЕГО ЖИТИЯ

[113] Итак, благодаря этим упражнениям он привлёк множество первейших в Городе мужей от служения миру к воинствованию Христову, а их добродетели впоследствии проблистали чудесным образом.

Одним из них был Джамбаттиста Сальвиати, муж чрезвычайно высокого положения, связанный близким родством с французской королевой Екатериной (*Медици. – прим. пер.*), отмеченный, однако, прежде всего христианским смирением. Ибо хотя под руководством и наставлением Филиппа он превосходно усовершенствовался во всех добродетелях, тем не менее, с каким-то особым усердием постановил возвращать именно смирение. По этой причине он часто посещал самые людные приюты Города; и там, усердно прислуживая лежачим больным, с радостью выполнял все самые низкие обязанности.

Не следует умолчать здесь и вот о каком достопамятном событии. Однажды Джамбаттиста пришёл в больницу, посвящённую [Матери Божией] Утешительной (*ит. Ospedale di Santa Maria della Consolazione, просуществовала до 1936 г., когда была закрыта фашистским режимом. – прим. пер.*), и там он обнаружил одного больного, который прежде работал у него дома в качестве слуги. И вот, когда он подошёл к нему и, заговоривая с ним в самых дружеских выражениях, попросил его между делом подняться с постели. Когда больной спросил: «Зачем мне вставать?», Сальвиати ответил: «Чтобы я мог постелить тебе постель». Больной же, рассудив, что над ним шутят, молвил: «Совсем не время для шуток, сударь; прекратите, пожалуйста, и не издевайтесь надо мною несчастным!» «Но ведь я, – возразил Джамбаттиста, – просто хочу переменить тебе постель; и это не в шутку, а по-настоящему». В конце концов, после долгих препирательств любовь и смирение Сальвиати восторжествовали над скромностью бывшего слуги.

[114] Кроме того, этот благороднейший муж после знакомства с Филиппом дошёл до крайнего презрения к человеческим условностям: если прежде он обычно наряжался в дорогие одежды и ходил в сопровождении целой свиты слуг, то отныне он не только платье носил скромнейшее, но даже ни одного слуги не брал с собой. Впрочем, Филипп уговаривал его и скромности держаться, и достоинство своего положения блюсти.

Итак, стяжав сии и иные добродетели (кои здесь пришлось бы слишком долго перечислять), он дошёл свой земной путь до конца и, радостно восприняв весть о приближении смертного часа, воспел от сердца Давидову песнь: «Возрадовался я, когда сказали мне: «пойдем в дом Господень» (*Пс. 121:1*), а вскоре и отдал свой дух Богу в объятиях Филиппа.

Его жену, Порцию де Массими, блаженный отец уже давно постепенно вёл к христианскому совершенству – и именно с её помощью ему удалось пленить сего мужа и приобрести его для Христа. Когда же он почил, сия преисполненная благочестия женщина, дабы беспрепятственнее служить Богу, удалилась в монастырский затвор и в конце концов увенчала свято прожитую жизнь соответственной смертью.

[115] За Сальвиати последовал Франческо Мария Таруджи. Этот уроженец Монтепульчано был мужем весьма родовитым и связанным кровными узами с Верховными понтификами Юлием III и Марцеллом II, а благодаря своему живому уму и мягкости обхождения снискал расположение среди всех чинов Римской курии.

Так вот, когда в упомянутый [юбилейный] год Верховный понтифик Павел IV даровал христианскому миру полное отпущение грехов, сей Франческо отправился в

храм св. Иеронима, чтобы очистить свою совесть, а Филипп после исповеди позвал его к себе в комнату и, побеседовав с ним о многом, велел в итоге помолиться вместе с ним. Хотя прежде Таруджи совершенно не знал, как творить мысленную молитву, и не имел к ней привычки, проникся всё же такой сладостью духа, что целый час, проведённый им на молитве, промелькнул для него в мгновение ока.

Не раз затем, навещая духовного родителя своего, видел он, как тот, молясь, поднимается в воздух, и уверившись, что он сверхчеловек (*humano fastigio celsiorem*), страстно захотел вступить в новую подвижническую общину. Когда же ему пришлось столкнуться с некоторыми препятствиями на пути к этой цели, и он поведал об том Филиппу наедине, тот молвил: «Не сомневайся; в течение месяца препятствия устранятся». И всё произошло именно так, как и предсказал святой муж. Действительно, по истечении месяца Франческо вернулся к нему и совершил генеральную исповедь, причём, заметив, что Филипп открывает тайники его совести и проникает в глубинные уголки души его, так крепко полюбил его, что, добровольно распрощавшись с Курией и земными заботами, полностью вверился руководству и распоряжению Филиппа. Причём любому указанию раба Божия он следовал быстрее, чем слово слетало с уст, и помог ему многих привести ко Христу.

[116] И столь пылко Таруджи стремился к благочестию, что его приходилось, скорее, обуздывать, чем подгонять. Благодаря своему полнейшему доверию воле Божией он уже в начале своего подвижничества приобрёл безмятежный мир в душе, который, по собственному признанию, в течение более чем пятидесяти лет, которые после того прожил, ни разу и ни на миг его не покидал. Он отличался даром молитвы и слез. А когда Ораторий поручил ему возвещать слово Божие, он доносил его так мудро и благоговейно, что ведущие проповедники того времени почитали его красноречие необычайным, а кардинал Бароний называл его «мужем апостольским» и «начальствующим в слове» (*ср. Деян. 14:12*). Пий V, святейший понтифик, не только принудил его принять священный сан (ибо он по своему смирению отказывался), но и отправил его легатом вместе с кардиналом Алессандрино во Францию, Испанию и Португалию к королям, с которыми был успешно заключён договор против турецкого султана. Затем Климент VIII исключительно (как он сам говорил) по внушению Святого Духа велел Таруджи, несмотря на его нежелание и отказы, взять на себя бремя Авиньонской епархии. И он в итоге с величайшей бдительностью хранил её от заразы еретических заблуждений и приводил в порядок, вводя установления и законы, чрезвычайно содействовавшие благочестию. Вскоре после того, как тот же понтифик назначил его кардиналом, Франческо украсил это достоинство своими превосходными добродетелями, а на конклаве, собравшемся после кончины Льва (XI, *понтификат с 1 по 27 апреля 1605 г. – прим. пер.*), выказал полнейшее нерасположение к принятию должности апостолика. Наконец, исполненный дней и заслуг, что он слёзно просил позволения умереть в своём родимом гнезде. Добившись сего от начальства, он сложил все обязанности и беспрепятственно удалился в Валличеллу, а через несколько месяцев отошел ко Господу в год спасения 1608 в возрасте 84 лет и был погребён на кладбище конгрегации Оратория.

[117] Одним из первых учеников Филиппа был также Костанцо Тассоно, племянник кардинала Пьетро Бертани из Фано. Он [был погружён в жизнь] Римского двора, точно [растение], вцепившееся в скалу, и казалось, вырвать его оттуда не получится

никогда и ни за что, а тем не менее, при руководстве и наставлении Филиппа он достиг такого презрения к мирской суете и обрёл столь пламенную любовь [к Богу и ближним], что не было такого низкого или трудного послушания, которого он не взял бы на себя с величайшей охотностью. Исповедовался он и принимал Евхаристию несколько раз в неделю, а в определённые поры даже каждый день укреплялся Хлебом небесным. Он постоянно посещал больницы Города и там смиренно ухаживал за недужными. Всем способам усмирения плоти он был приучен самим Филиппом. Из послушания ему став позднее священником, Костанцо так отвратился душою от земных благ и богатств, что отказался от предложенного ему доходного прихода. В итоге за замечательные его добродетели св. Карл Борромей выбрал из своих знакомых [себе в помощники именно] его; [позднее из Милана] бл. понтифик Пий V призвал его в Город, а вскоре и Бог – на небеса (как предсказывал Филипп, а мы расскажем ниже).

[118] Примкнул к сим ученикам также и Джамбаттиста Модии, славный врач, известный благочестием и ученостью, который написал довольно тонкое сочинение о водах Тибра и в высшей степени достойные прочтения комментарии к гимнам бл. Якопоне. Когда он тяжело мучился каменной болезнью и дошёл уж до последнего издыхания, Филипп по свойственной ему любви к ближнему навестил его и кротчайше увещевал принять даруемый Господом крест; а сам затем, выйдя из дому, направился в ближайший храм, где излил молитвы и слёзы о его здоровье. Дивное дело! В то самое время камень у больного вышел, и он пошёл на поправку. С того дня Модии, памятуя о чуде, отдал себя блаженному сему родителю под руководство и наставление. Любовь сего мужа к ближним была совершенно невероятной, а вместе с нею, казалось, росло и его сострадание. Ну а поскольку в речах он был очень даже силён и искусен, Филипп ему, несмотря на мирское звание, велел рассказывать в Оратории о деяниях святых, и это принесло слушателям много пользы и удовольствия.

После его преставления от сей жизни, святой ту обязанность вверил Антонио Фуччи из Кастелло из Читта-ди-Кастелло, врачу столь же славному, который с великим пылом духовным решил потом отправиться с Филиппом в Индию, о чём поведено в другом месте.

[119] К ним следует также причислить Марцио Альтьери, знатного римлянина, который пришёл к Филиппу в самом начале Оратория и благодаря его наставничеству настолько усовершеншился, что о Боге и божественных предметах (по свидетельству самого Филиппа) даже слова молвить не мог из-за чрезвычайного умиления духовного – точь в точь Моисей. И так велика была его любовь и милость к нищим, что он даже порой украдкой раздавал одеяла, сняв их со своей постели, и сам был готов обнажиться, лишь бы облачить Христа – в нищих.

Затем к ним примкнул Маттео Стендарди, племянник Павла IV, Верховного понтифика; Бернардино Валле да Коме; Фульвио Амодео; Джакомо Мармита, упоминаемый в другом месте; Джанантонио да Санта-Северина; Лодовико Паризи, из сыновней любви прослуживший святому отцу более тридцати лет; и многие другие из высшей итальянской знати, что под руководством и наставлением Филиппа явили в светском обществе Рима великолепные образцы христианского совершенства.

[120] Кроме того, несколько духовных сынов Филиппа при низком своём происхождении были высоки благочестием своим и славны божественными добродетелями. Одним из таковых был Стефано, некто портной из Римини, некогда погрязший в заблуждениях века; он слишком долго был на военной службе, из-за чего нажил множество лютых врагов. И вот, когда он пришел в храм св. Иеронима, где в то время происходили собеседования, молча сел в задних рядах. Как только Филипп заметил его, взял его за руку (хотя даже не знал его в лицо) и велел ему сесть на более приличное место, а затем, по окончании лекции, вновь подошёл к нему и так покорила простеца ласковым разговором, что с того дня Стефано каждый день приходил в Ораторий, избавился от дурных привычек и переменил жизнь на лучший лад.

Так, например, несмотря на крайнюю бедность, он всё, что выручал от своего ежедневного труда (остающееся от расходов на еду и одежду) раздавал нуждающимся. Он постоянно размышлял о смерти и готовился к ней так, будто каждый день собирался умереть, однако не испытывал от этого никакой печали или горя, наоборот: его весёлое и безмятежное лицо постоянно выражало искреннюю сердечную радость. Он всегда проявлял готовность к послушанию в любом деле. Паче всего он был привержен молитве, отчего украсился многими дарами Божиими, а когда он молился в храме при приюте Паломников у Пресвятой Троицы, некий божественный свет окружил его.

Такого образа жизни он держался двадцать три года и жил один в маленьком домишке, желая внимать одному лишь Богу да самому себе. И хотя, когда он постарел, друзья увещевали его не подвергать себя опасности оказаться без чьей-либо помощи пред лицом внезапной смерти, он отвечал, что прежде всего полагается на милость Богородицы; мол, в этом случае она по величайшей Своей доброте явится к нему – что и произошло. Ведь однажды ночью в приступе внезапной болезни он немедленно вышел на улицу, созвал соседей и попросил их привести священника, дабы уделит ему таинств церковных, ибо он вот-вот умрёт. Сказав это, он возвратился домой и, благочинно приняв таинства, почил счастливо.

[121] Ещё одним учеником Филиппа был Франческо Мария, которого в быту кликали «Феррарцем» – муж удивительной простоты и чистоты, по каковой причине он не раз слышал пение ангельское, а также чуял смрад грехов. Воодушевлённый любовью к Богу и терпением Христа, он был готов претерпеть за Него любые муки. Когда его одно время терзали страшные муки каменной болезни, он смиренно попросил Господа ещё ужесточить сии кары, но едва вымолвил эти слова, почувствовал, что идёт на поправку. Дар слез его был замечателен; а потому, когда он приступал к таинству Евхаристии (а приступал он почти каждый день) или слышал что-нибудь о Боге и о небесных предметах, тотчас проливал обильные слезы. Он так радел о спасении ближних, что однажды, узрев какого-то иудея, проникся состраданием и три года непрерывными молитвами просил Бога обратить того слепца на путь истины. И не напрасно; ведь когда он однажды зашёл в Ватиканскую базилику, он увидел, как тот самый иудей проходит торжественный обряд омовения в священной купели. Сие зрелище принесло ему дивную радость, и он тут же пролил реки слёз.

[122] Однажды Таруджи заметил, как Ферарец горько рыдает, и на вопрос о причине плача услышал: «Я задумался над теми словами, что Христос Господь сказал своим ученикам: «Когда исполните всё это, говорите: «мы рабы ничего не стоящие» (ср. Лк. 17:10). А ведь, если апостолы после столь многих и таких славных свершений, после того, как они весь мир обратили ко Христу, должны были говорить: «мы рабы ничего не стоящие», то что сказать мне, негодяю, никогда не сделавшему ничего хорошего?! Отсюда мои слезы, отсюда скорбь моя».

В другой день Таруджи увидел его же: он стоял, погрузившись в молитву, а затем постепенно попятился, будто поражённый необычайным зрелищем. Когда же Таруджи стал расспрашивать Феррарца о причине такого поведения, тот молвил: «Божие величие. Я созерцаю его умом; и чем сосредоточеннее внимаю ему, тем величественнее оно представляется мне. А потому, из-за его необъятности, мне приходится отступить даже ногами, не говоря уже о уме».

[123] Нельзя здесь обойти молчанием и Томмазо Сицилийца, который, по набожности приехав в Город, взялся подметать Ватиканскую базилику и почитал это за величайшую для себя честь. Поэтому в течение многих лет, совершенно счастливый, он исполнял эту обязанность, никогда не выходя из храма днём (кроме тех случаев, когда ходил к Филиппу на исповедь), а на ночь обычно устраивался на непокрытой ступеньке у какого-то алтаря. Когда же сие увидел враг рода человеческого, решил отвратить его от этого святого подвига. Итак, однажды ночью, когда Томмазо почивал, раздался ужасный шум, будто всё перевернулось вверх дном. Тогда раб Божий пробудился от своего сна и увидел, что церковные скамьи носятся по воздуху, а затем обрушиваются на пол и разбиваются. Зажегши немедля свечу, он всё осмотрел, и оказалось, что ничего не сдвинуто с места. Однако он решил внимательно обследовать каждый закуток: вдруг где-то притаился кто-нибудь с намерением ограбить храм. И надо же: за колонной натолкнулся на некоего эфиопа! При виде его Томмазо ничуть не смутился, но, опознав многогнусного супостата, занёс было правую руку, чтобы дать ему оплеуху, и тот бежал, постыжённый и проигравший.

[124] Сполетинец Лодовико (которого из-за францисканского хабита, носимого им по обету, величали «братом Лодовико») тоже был чрезвычайно привязан к Филиппу. Хоть он и был до крайности обделён земными богатствами, зато чрезвычайно обилдовал божественными добродетелями, а потому блаженный отец выхлопотал для него место настоятеля монастыря под названием Санта-Катарина-деи-Фунари (или иначе: «-да-Роза»); и эту должность он исполнял долго и весьма похвально.

Близок Филиппу был также Пьетро «Мельник», муж исключительной добродетели, который наряду с прочими милостями получил от Бога дар слёзный, так что, молясь, непременно раздражался плачем. Из-за того что слёзы разъедали ему глаза, он потерял зрение, которое, однако, силою свыше (как и все считали) восстановилось.

О множестве других, что следовали наставлениям и правилам Филиппа, тоже остались весьма благочестивые воспоминания, но других мы намеренно не упомянули, чтобы не затянуть отступление от повествования дольше, чем подобает. Когда представится случай, мы кратко поговорим о них ниже.

ГЛАВА X. ФИЛИПП ПРИНИМАЕТ РУКОВОДСТВО НОВОЙ КОНГРЕГАЦИЕЙ В ВАЛЛИЧЕЛЛЕ

[125] Филипп усердно руководил учреждённой им конгрегацией, и всё делалось по его указанию и усмотрению, но он всё никак не поддавался на уговоры (как уже говорилось) о переезде из обители св. Иеронима, хотя отцы ежедневно так и эдак уговаривали его, чуть ли не заставляли. Причина, по которой он так упрямо настаивал на этом решении, заключалась в том, что из-за своего исключительного смирения он до крайности страшился получить почётное звание Основателя. Кроме того, он говорил, что не хочет бежать от креста и оставлять поле битвы: вдруг именно здесь Бог уготовал ему сражение, в котором предстоит победить, дабы стяжать венец нетленный.

Но когда Конгрегация больше уж не могла сносить отсутствие дражайшего отца, а неоднократные попытки переубедить его оказались тщетны, члены её обратились к Пьетро Донато, кардиналу Чези, и упросили его представить дело понтифику (то был Григорий XIII), дабы он властью своей наконец помог им получить то, чего до сих пор им никак не получалось добиться. Понтифик выслушал исполненные любви сетования и попросил того же кардинала Чези от его имени дать Филиппу повеление переселиться в Валличеллу. И вот отец (ибо он был невероятно послушен во всем) тотчас же без всяких пререканий повиновался и переселился в валличелльскую обитель, что произошло в год нашего спасения 1583-й, 22 ноября, в какой-то день празднуется память св. мч. Цецилии.

[126] А собираясь выехать из обители Милосердия, он пожелал перевезти свои убогие и скудные пожитки в «торжественном» шествии: чтобы ученики его вереницей несли их на руках и плечах по самым людным улицам, выставя тем самым его вместе с учениками на всеобщее посмешище и поругание. При этом отец не мог окончательно оставить свою старую келью, которую содержал чрезвычайно бережно: он хранил ключ от неё до конца своей жизни и неоднократно захаживал осмотреть её.

По прибытии же в Валличеллу он ничего не изменил в своём прежнем образе жизни; а поэтому устроился на верхнем этаже, дабы вдали от всякого шума каждый день в установленное время, улучив передышку среди уймы забот, предаваться излюбленному своему созерцанию; и того замечательного распорядка, что он установил для себя когда-то ещё в начале священства, придерживался затем с предельным постоянством до последнего вздоха.

[127] Итак, отцы, едва им удалось залучить Филиппа к себе, все в равной степени облеченные избирательными правами, установленными им самим, единодушным голосованием провозгласили его префектом Конгрегации (которую он сам и основал). Он взялся за исполнение этой обязанности с величайшей серьезностью, хотя куда больше стремился подчиняться, нежели повелевать. Ну а поскольку он хотел на своём собственном примере закрепить правила, которые должны были нами в дальнейшем соблюдаться, то прежде всего он постановил, что нужно проводить выборы префекта каждые три года. Поэтому ровно через три года он снова прошёл выборы, на которых снова по всеобщему согласию единодушно был

избран префектом. Впрочем, на дальнейшее отцы сочли несправедливым применять это правило в отношении святейшего Основателя, и в том же году 19 июня объявили его бессменным префектом Конгрегации. И хотя раб Божий по смирению своему никак не этого решения признавал и усиленно просил не возлагать на него сего бремени, тем не менее, измученный уговорами и мольбами, наконец, подчинился воле своих учеников.

И вот сей наилучший и благоразумнейший из отцов (явно по действию Духа Божия), дабы навсегда укрепить основы Конгрегации, объявил главнейшим правилом, что в ней следует соблюдать те самые правила, на которых она была изначально создана. И поэтому всякий, кто вступает в Конгрегацию ораторианцев, не должен связывать себя присягами, клятвами или обещаниями любого рода, но лишь узами любви, и (придерживаясь, разве что, требований священнического чина) свободно служить Богу, больше внимания уделяя не своим делам, а Богу и ближним, а если у кого возникнет устремление к более совершенному пути и жизни, то нет недостатка в святейших обителях разных иноческих орденов, куда каждый может при желании вступить.

[128] Он установил весьма подробные правила жизни личной и совместной, а также написал ряд уложений, которые представил к рассмотрению на совете отцов и другим мужам, наделённым как благочестием, так и мудростью и разумением, а прежде всего – кардиналу Джироламо делла Ровере, архиепископом Туринскому, выдающемуся знатоку церковного и светского права. Затем, после того, как эти уложения прошли в течение долгого времени тщательнейшую проверку и за тридцать лет были испытаны на практике и всенаучающем опыте, их подтвердил своей апостольской властью Верховный понтифик Павел V, кому наша Конгрегация обязана многими благодеяниями. Но поскольку правила, относящиеся непосредственно её устройству, содержатся в томе Уложений, мы сочли излишним излагать их здесь.

О том, однако, не следует умолчать, что (как мы упоминали ранее) в Городе трудами и усердием Филиппа был введён (или, скорее, восстановлен в прежних правах) весьма похвальный и спасительнейший обычай, чтобы каждый преломлять хлеб слова Божия на такие мелкие кусочки, чтобы проповедь не превращалась в род возвышенной речи, которая обычно употребляется в богословских диспутах, но звучала как-то скромнее и в более понятных выражениях, ближе к сути и почти на уровне каждого. Поскольку слуга Божий на своем долгом опыте давно обнаружил, что это правило лучше всего подходит для того, чтобы достучаться до сердец слушателей, то постановил, чтобы каждый день, за исключением субботы (как это и было с самого начала), после благочестивого чтения четверо из нашего числа беседовали с народом о божественных предметах (каждому отводилось по полчаса), по завершении чего пели священный гимн под музыку и, наконец, после краткой молитвы за Церковь Божию собрание распускали.

[129] Притом в течение многих лет отец лично присутствовал каждый день на всех проповедях (что обычно делали также и ученики его), а долгие годы и сам ежедневно проповедовал в Оратории Св. Иеронима. А тем, на кого была возложена задача держать речь, он особо предписывал всячески избегать того рода вычурного красноречия, что сосредотачивается на каждом слове и благозвучном построении

фраз, заботясь не о том, чтобы показать свой таланта и учёность, а чтобы пробуждать благочестие и умиление в людях. Поэтому он велел одному повествовать о житиях святых, другому – давать обзоры церковной истории, третьему – пересказывать «Диалоги» св. Григория Двоеслова, ну а остальным, наконец, говорить о чём-нибудь, будящем в слушателях, скорее, сокрушение, нежели любопытство. И если он вдруг в это время проповедник при нём затрагивал вопросы мелкие или посторонние, он тотчас же прерывал его речь и приказывал покинуть кафедру. Главное, к чему он стремился, это чтобы все усвоили: нужно в простых и доступных словах показывать красоту добродетели и безобразие пороков, а с помощью ряда примеров из житий святых представлять слушателям как бы зримый образ, который мог бы глубоко запечатлеться в их сердцах.

[130] Именно поэтому он не позволял никому из своих учеников целиком отдаваться научным занятиям и цепляться за них, как за скалу; но говорил нашим людям действовать при этом поосмотрительнее и мудро распределять (что труднее всего) своё время. По этой причине даже Баронию, чрезвычайно занятому написанием «Анналов», Филипп ни под каким видом и никогда не позволял ради своих штудий устраниваться от общих молитв, от произнесения проповедей, от слушания исповедей и исполнения прочих обязанностей. Конечно, Филипп и не запрещал научных занятий никому из своих, но установил определенные пределы и границы этому не знающему меры увлечению, предлагая сосредоточиться прежде всего на тех темах, которые казались наиболее созвучны целям Конгрегации. Ибо он говорил: «Рабы Божии должны любить мудрость, не выставляя её напоказ»; и ещё: «В сокровенные тайны Священного Писания быстрее проникнешь молитвой, чем изучением».

[131] Кроме того, к ежедневному слову Божию он добавил ещё и ежедневное [духовное] пиршество, постановив, чтобы все наши каждый вечер сходились в Ораторий, где могли собираться также и посторонние (за исключением женщин), и, начав с так называемой мысленной молитвы, читали затем литании и молитвы, три раза в неделю бичевали себя.

К тому же он хотел, чтобы Конгрегация была защищена частым причащением Св. Таин, как бы неким небесным оплотом, а потому велел священникам литургисать каждый день, что в те времена было не таким уж обычным явлением. А если вдруг кого-нибудь из них, упражняя в смирении, он иногда удерживал от свершения Жертвы, то предписывал таковому быть готовым приступить к делу Божию по первому зову. Однако при этом он выражал предпочтение, чтобы саму мессу они свершали, скорее, короче, нежели продолжительнее, насколько то позволяло её торжественное величие и достоинство. И поэтому, если кто-нибудь порой проникался необыкновенным умилением духовным, отец настоятельно увещевал его осмотрительно обуздывать это несвоевременное умиление и предлагал таковому служителю вернуться от алтаря в комнату. Ведь всеумудрый муж прекрасно понимал, что хотя жертвоприношение мессы должно совершаться с глубочайшим вниманием и благоговением духа, однако же без малейшего отягчения остальных участников; это когда мы изливаем молитвы в комнате за закрытыми дверями, тогда-то уж можно передать поводья Духу.

Далее, он велел клирикам и светским членам Конгрегации трижды в неделю открывать свою совесть духовникам и уж по их усмотрению принимать святое Тело

Христово. Кроме того, он установил, чтобы те, кто был назначен принимать исповеди, в праздники, среды и пятницы оставались в церкви с утра до обеда, а в другие дни по крайней мере двое из них дежурили там, готовые исполнить сию обязанность.

Он желал, чтобы в питании и одежде мы ничем не выделялись из обычного ряда добрых и простых людей. За столом же, дабы сотрапезники наряду с телом питали и души свои, он счёл нужным не ограничиваться чтением вслух (которые длились большую часть обеда или ужина), но велел поднимать два вопроса на темы Священного Писания и нравственного совершенствования, относительно которых каждый в свою очередь должен был скромно и кратко высказывать свои соображения.

[132] Вот такие ввёл порядки Филипп – прежде всего в Конгрегации. А уж когда добрая слава о трудах Оратория стала день ото дня распространяться, то сначала во многих городах Италии, а затем и в других частях света, были основаны обители, подобные этому, римскому, с одобрения и на благо огромного множества народу. И угодно было святейшему и мудрейшему Основателю, чтобы римская Конгрегация не присоединяла к себе никаких обителей в других местах, и чтобы она не брала на себя бремя управления другой конгрегацией, ну а если конгрегации в других местах пожелают придерживаться её правил, то чтобы они не присоединялись к нашей, но каждая независимо от других сама собой управляла и руководила. Хотя это решение некоторые из отцов встретили не особенно одобрительно, поскольку думали, что оно воспрепятствует дальнейшему расширению Конгрегации, однако впоследствии опыт работы подтвердил, что иначе действовать было бы неправильно и невозможно. Поэтому отцы, единодушно в том убедившись, утвердили это правило специальным безотзывным указом, который позже освятил своей апостольской властью Верховный понтифик Григорий XV, которому Конгрегация от начал своих была премногим обязана.

[133] Более того, Филипп был уверен, что предпринятое им дело Бог поправит, довершит и сохранит, а поэтому, даже если бы все покинули Конгрегацию, он всё равно нисколько и никогда не отклонился бы от своего мнения. Ибо, как он молвил, Бог не нуждается в людской помощи; и если вдруг кто-нибудь из его учеников уходил, то, исполненный доброй надежды, он припоминал евангельское изречение: «Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму» (*Мф. 3:9*).

Когда Филипп однажды услышал, что какие-то иноки в подражание нашему обычаю, начали вести ежедневные беседы с народом о божественных предметах, один из наших высказал мнение, что им нужно строго-настрого запретить этим заниматься, но отец укорил его за такую чрезмерную ревность, сказав: «О, если бы все были пророками!» (*ср. Чис. 11:29*). По этой же причине он не желал набирать в свою конгрегацию многих, и хотя легко мог получить в своё распоряжение целый ряд самых даровитых и образованных мужей своего времени, одни из них, которые, казалось, были рождены и созданы для его конгрегации, вступали по его побуждению в другие иноческие ордены, а другие проводили благочестивое и подвижническое житие в миру.

[134] В целом Филипп, сочетая в управлении Конгрегацией благоразумие с благочестием, удивительно успешно поддерживал искреннее согласие между её членами, так что у всех, как мы уже говорили, поистине «было одно сердце и одна душа» (*Деян. 4:32*)

Тем не менее, в этом он испытывал немалое затруднение. Ибо трудно представить (как он сам говаривал), сколько требуется мучительных усилий, чтобы управлять и руководить людьми, к тому же свободными; и справляться с этим легче, только если действуешь мягко, а приказываешь редко. По этой причине он часто повторял: «Кто хочет, чтобы ему подчинялись многие, обязательно должен быть умерен в приказаниях». Поэтому он ничего и не требовал от своих учеников в приказном порядке, зато с величайшей лёгкостью добивался всего просьбами. Впрочем, когда было нужно (что, впрочем, случалось очень редко), он мог принимать такой серьезный и суровый вид, что одним кивком головы и одним взглядом мог направить любого из своих, куда желал. Если же он вдруг хотел кого-нибудь упрекнуть, то смотрел на него построже, что заменяло ему серьёзное замечание и взыскание.

[135] Он предпочитал послушание всем другим добродетелям, а тех, кто приказания начальства исполнял неохотно, оспаривал их или отвергал, постановлением своим немедленно изгонял из Конгрегации как заносчивых и строптивых. У нас сохранилась его запись с умозаключением по этому поводу, часть которого мы считаем уместным привести здесь. «Любой, – пишет Филипп, – кто сознаёт, что не сможет дальше подвизаться без возмущений из-за скудости пищи, или из-за послушаний в церкви, или из-за тех или иных поручений, пускай сам просит исключения из нашей Конгрегации и как можно скорее уходит из неё, ведь иначе после очередного такого проступка, он, несомненно, будет из неё исключён. Право же, отцы мои, я совершенно уверен: никого из тех, кто не желает соблюдать те немногие правила, что предписаны нашим членам, ни в коем случае не следует удерживать в обители». Таково было мнение Филиппа.

Поэтому он неоднократно увещевал своих последователей наряду с волей ещё и суждения свои подчинять начальству и учиться мудрой глупости. И если вдруг примечал, что у кого-либо из них порученное дело вызывает сопротивление и отпор, именно тогда настаивал на исполнении его, да к тому же приказывал заняться этим в самое неудобное для него время. Этим он прежде всего стремился добиться, чтобы ученики его, как он сам часто говаривал, «не входили в великое и для них недостижимое» (*ср. Пс. 130:1*), но незыблемо пребывали в смирении.

[136] Пожалуй, нелишне будет процитировать здесь, что кардинал Цезарь Бароний написал из Феррары Пьетро Консолино, бывшему в то время наставником послушников Конгрегации. «Вынужден извиниться, – молвит он, – за то, что не ответил тебе ни на одно письмо и не поблагодарил тебя за молитвы, вознесённые за меня к Богу. Теперь, наконец-то, отвечаю и изо всех сил благодарю; и прошу заодно, чтобы ты продолжал за меня молиться вместе с твоими послушниками и моими сынами вселюбезными, которым я горячо желаю каждый день всё более и более возрасти в духе и благодати. Расти, отче, расти молодые саженцы, уподобляясь тому великому дереву, побегами коего они воистину и являются; и так, как ты сам был воспитан, воспитай и других. Будь уверен: наш блаженный отец и живёт доселе,

и видит, и направляет чад своих, и держит в руке бич, дабы разить нерадивых. Право же, умоляю, зачислили и меня в свои послушники и безоговорочно наказывай, когда сочтёшь нужным. О, если бы исполнилось на мне пророческое слово и когда-нибудь наконец, хоть в старости моей, обновилась, подобно орлу, юность моя! (ср. Пс. 102: 5) Ведь это в подлинном духовном смысле означает, по-видимому, Ависагу, что спала с Давидом, когда он уже был изнурён пожилыми годами (ср. 3 Цар. 1:1-4), сиречь старость, сопряжённую с пылом духовным. Поистине Ависага спала со святым отцом нашим (о чём ты и сам прекрасно знаешь), ведь он так пылок был в старости, что казалось ему, чуть ли не сгорает. Не багряницы и шубы меховые грели старца, а одна Ависага. О, если бы я удостоился приобщиться сего ныне, в стылом хладе моей старости! Испроси мне это твоими молитвами, ибо для того я и написал тебе это письмо. Итак, да утешит тебя Бог и святостью наделит».

В вышеприведённом письме Бароний достаточно ясно показывает, чего святой отец прежде всего требовал от своих и чему сам Бароний научился от него.

[137] Ну и помимо всего верный и благоразумный раб (Мф. 24:45) Божий, ревностно и усердно заботился о том, чтобы имуществом Конгрегации распоряжались весьма бережливо; он и само имущество это называл достоянием бедняков и Христа. А потому он с неустанным вниманием старался избегать любых расходов, кроме самых необходимых. И приводил он в поддержку этому подходу два чрезвычайно весомых свидетельства: [во-первых,] рассказ Кассиана о монахе, который, сливая воду из сваренной чечевицы, упустил между пальцев три зёрнышка и, осуждённый за эту небрежность как расточитель священного достояния, был отстранен от [совместной] молитвы, получив затем прощение только после публичного покаяния; а [во-вторых, пример] святого Антонина, архиепископа Флорентинского, который, как говорят, имел обыкновение писать свои книжки при свете лампад в церкви, чтобы никоим образом (о чем он сам молвил) не нанести ущерба имуществу бедных. Если же кто вдруг возражал ему по этому поводу, говоря, что он слишком щепетилен, отец тут же отвечал: «Так избавьте меня от мук совести: докажите, что эти блага не принадлежат беднякам, а потом делайте, что угодно».

Вот каких принципов держался Филипп в управлении Конгрегацией, и на этот предмет можно было бы сказать гораздо больше, но, пожалуй, стоит поговорить о том в другой раз, прежде всего тогда, когда зайдёт речь о его добродетелях.

Продолжение следует...

Перевод: Константин Чарухин

Корректор: Ольга Самойлова

Подготовлено для сайта РУСКАТОЛИК.РФ

ПОДДЕРЖАТЬ ПЕРЕВОДЧИКА:

PayPal.Me/ConstantinCharukhin

или

Счёт в евро:

PL44102043910000660202252468

Счёт в долл. США:

PL49102043910000640202252476

Получатель: CONSTANTIN CHARUKHIN

Банк: ВРКОPLPW